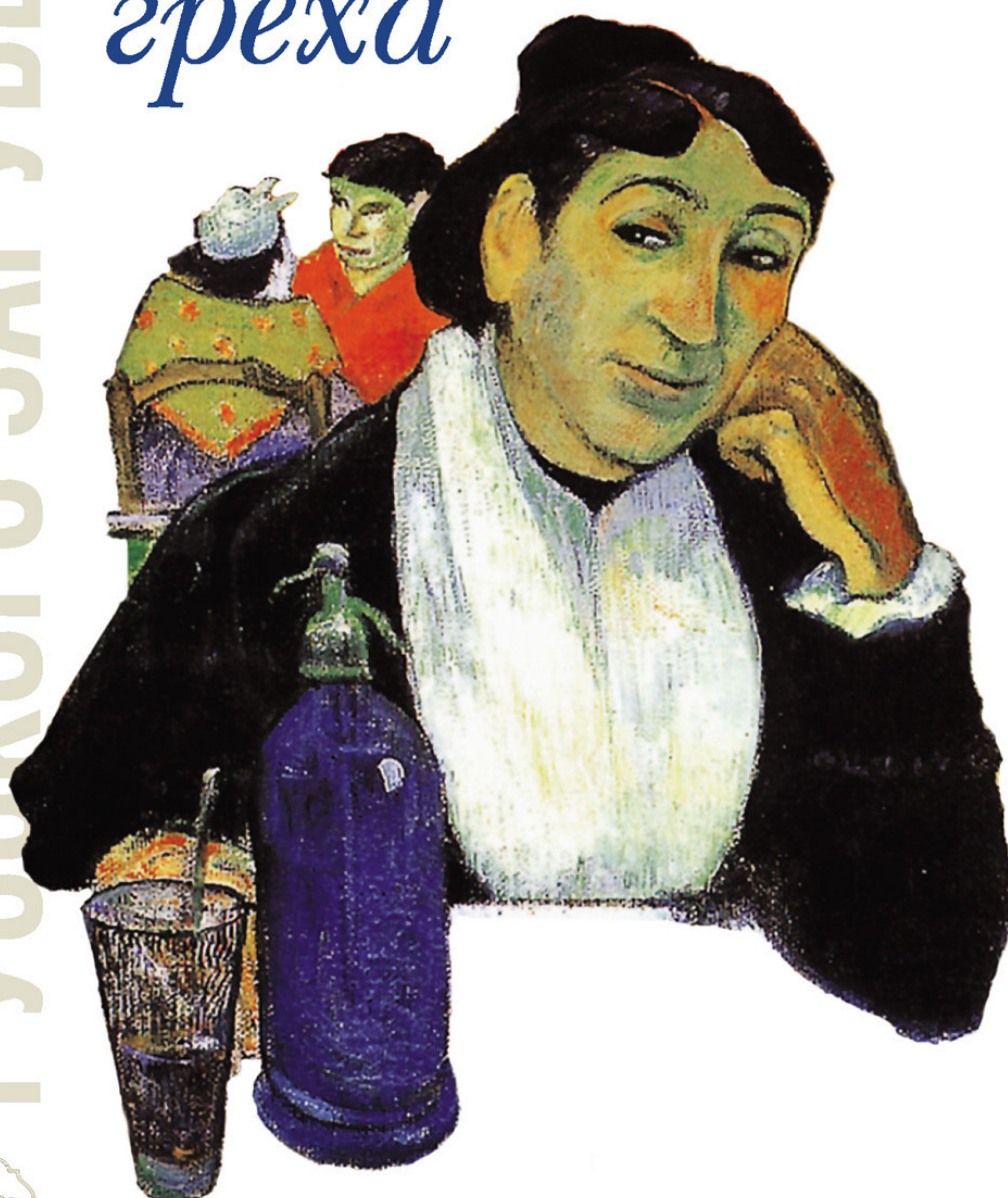

Архиепископ
Иоанн (Шаховской)

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*Апокалипсис
мелкого
греха*

Издательство Сретенского монастыря

Духовное наследие Русского зарубежья

Дмитрий Шаховской

Апокалипсис мелкого греха

«Издательство Сретенского Монастыря»

2007

УДК 271.22(470+571)-72
ББК 86.372

Шаховской Д. А.

Апокалипсис мелкого греха / Д. А. Шаховской — «Издательство Сретенского Монастыря», 2007 — (Духовное наследие Русского зарубежья)

ISBN 978-5-7533-0609-8

В сборник вошли избранные статьи известного иерарха Русского зарубежья и талантливое духовное писателя архиепископа Иоанна (Шаховского). Они посвящены разным областям человеческой жизни и могут быть полезны для широкого круга читателей.

УДК 271.22(470+571)-72
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0609-8

© Шаховской Д. А., 2007
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2007

Содержание

Апокалипсис мелкого греха	6
О смехе	12
Агония одиночества	14
Пневматология страха	14
Не кради	29
Психология обиды	31
Признак любви	33
О милосердии над миром	35
Что такое культура?	37
Озарим свой внутренний мир	39
О рае и кресте	40
Ищите добра	42
Путь к Богу	44
Совесь и заповеди	46
Печать истины	48
Александре – русской матери	50
Ценность и призрак	52
Похвала справедливости	54
Сверхклассовая истина	56
Сны	58
Память и забвение	60
Врата в жизнь	62
Преподобный Серафим	64
Метафизический реализм	66
«Мастер и Маргарита» ³	66
К познанию судеб	68
Факты и символы	68
Пушкин у порога инобытия	73
Достоевский	79
Слово, сказанное пред панихидой по Ф.М.Достоевскому в память 150-летия его рождения ¹⁵	79
Примечания	81

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Апокалипсис мелкого греха: Избранные статьи

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 11-108-0781*

© Сретенский монастырь, 2007

Апокалипсис мелкого греха

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.
Откр 2, 4

Мелкий грех, как табак, до того вошел в привычку человеческого общества, что общество ему предоставляет всяческие удобства. Где только нельзя найти папирос! Везде можно найти пепельницу, повсюду существуют специальные комнаты, вагоны, купе – для курящих. Даже не будет преувеличением сказать, что мир представляет собою одну огромную комнату, вернее, один огромный вагон в межзвездных сферах: для курящих. Курят – мелко-спокойно грешат все: старые и малые, больные и здоровые, ученые и простые... Преступнику перед казнью позволяют выкурить папиросу. Словно воздуха мало в земной атмосфере или слишком пресный он – надо создать себе какой-то дымный, ядовитый воздух и дышать, дышать этим ядом, упиваться этим дымом. И вот все упиваются. До того, что некурящий – явление почти такое же редкое, как и никогда не лгущий или ни над кем не возносящийся... Табачный рынок – один из самых значительных в мировой торговле, и ежегодно миллионы людей трудятся для доставления возможности другим миллионам и миллионам вдыхать едкий дым, овеять его наркозом свою голову и весь организм.

В природе ли человека мелко, наркотически грешить – курить? Станным представляется самый вопрос. В природе ли человека идти против природы? В природе ли наркотировать себя? Услаждение кокаином правительства запрещают, а табаком поощряют. Мелкие грехи человеческим законом дозволяются, в тюрьму они не приводят. Все повинны в них, и никто не хочет бросать в них камень. Табак, как «маленький кокаин», дозволен, как маленькая ложь, как незаметная неправда, как убийство человека в сердце или в утробе. Но не то говорит Откровение Божие – воля Живого Бога. Господь не мирится ни с маленькой ложью, ни с единым убийственным словом, ни с одним прелюбодейным взглядом. Маленькая травка беззакония столь же окаянна перед Господом, сколь большое дерево преступления. Множество малых грехопадений, несомненно, тяжелее для души человека, чем несколько великих, всегда стоящих в памяти, могущих всегда быть снятыми в покаянии. И святой, конечно, не тот, кто делает великие дела, но кто удерживается и от самых малых преступлений.

Против великого греха легче начать борьбу, легче возненавидеть его приближение. Известен случай с преподобным Антонием Муромским. К нему пришли две женщины: одна сокрушалась о своем одном великом грехе, другая самодовольно свидетельствовала о своей непричастности ни к каким большим грехам¹. Встретив женщин на дороге, старец велел первой пойти и принести ему большой камень, а другой – набрать поболее мелких камешков. Через несколько минут женщины возвратились. Тогда старец сказал им: «Теперь отнесите и положите эти камни точно в те места, откуда вы их взяли». Женщина с большим камнем легко нашла то место, откуда она взяла камень, другая же тщетно кружилась, ища гнезда своих мелких камешков, и возвратилась к старцу со всеми камнями. Прозорливый Антоний объяснил им, что эти камни выражают. У второй женщины они выражали многочисленные грехи, к которым она привыкла, считала их ни за что и никогда в них не каялась. Она не помнила своих мелких грехов и вспышек страстей, а они выражали безотрадное состояние ее души, не способной даже к покаянию. А первая женщина, помнившая свой грех, болела этим грехом и сняла его со своей души.

Множество малых, недостойных привычек – тина для души человека, если человек утверждает их в себе или осознал как неизбежное зло, против которого не стоит и нельзя бороться. Вот тут-то и попадает душа в западню врага Божьего. «Я не святой», «я в миру живу», «я должен жить, как все люди», – успокаивает себя ноющая совесть верующего чело-

века. Человек, человек, конечно, ты не святой; конечно, ты живешь в миру и должен жить, как все люди, и потому – рождайся, как все люди, умирай, как они, смотри, слушай, говори, как они, но зачем тебе преступать закон Бога – как они? Зачем тебе нравственно так неблагоухать, как они? Задумайся над этим, человек.

Как трудно сдвинуться душе с ложной, но привычной мысли. Психология атеистического мира сего так крепко въелась в психический мир современного человека, что в отношении греха и преступления против Божьих законов почти все люди действуют одинаково – по штампу. Самое же печальное, что зло внушило людям требованиями природы называть требования греха. Требования природы – дышать, в меру питаться, согреваться, уделять часть суток сну, но никак не наркотировать свой организм, бессмысленно привязываться к миру, к дыму.

Ведь стоит только честно задуматься над этим вопросом, как зло само всплывает на поверхность совести. Но в том-то и дело, что современному человеку некогда задуматься над единственно важным вопросом, касающимся не маленькой этой 60–70-летней жизни, но вечности ее бессмертного существования в новых, великих условиях. Поглощенный совсем неверно понимаемой практикой, человек современный, погрузившись в свою практически-земную жизнь, думает, что он в самом деле «практичен». Горестное заблуждение! В минуту своей неизбежной (всегда очень близкой от него) так называемой смерти он воочию увидит, как мало практичен он был, сведя вопрос практики к потребностям своего желудка и совсем забыв свой дух.

А пока человеку действительно некогда задуматься над элементарными нравственными законами своей жизни. И несчастный человек сам страдает невыразимо от этого. Как ребенок, непрестанно касающийся огня и плачущий, человечество непрестанно касается огня греха и похоти, и плачет, и страдает, но – снова и снова касается... не понимая своего состояния духовной детскости, которая в Евангелии называется «слепотою» и есть действительная слепота сердца при наличии физических глаз.

Человечество само себя убивает чрез грех, и каждый человек так же. Обуреваясь, волнуясь злом, разнуждая низшие инстинкты, человечество себе готовит страшную судьбу, как и каждый человек, идущий этим путем. Сеющие ветер – пожнут бурю. И вот над этим, над единственно важным, – некогда задуматься... «Живи мгновеньем», «что будет, то будет» – отмахивается душа от самой истины, внутри ее говорящей, что надо ей войти в себя, сосредоточиться, осмотреть привязанности своего сердца и подумать о своей вечной участи. Творец мира велел заботиться человеку только о дне; мир велит заботиться только «о мгновении», погружая человека в море забот о всей жизни!

Тема о нравственно маленьком совсем не мелка. Здесь отражение апокалиптического упрека Божьего христианскому миру, что он «забыл первую любовь свою». Сколь чище и нравственно выше человека сейчас даже та пошатнувшаяся природа, из которой создано его тело. Как чист камень, готовый вопиять против людей, не воздающих славу Богу, как чисты цветы, деревья в своем чудном кругу жизни, как великолепно покорны закону Творца звери в чистоте своей. Божья природа не курит, не наркотируется, не развратничает, не вытравливает Богом данного плода. Бессловесная природа учит человека, как нужно нести крест послушания Богу среди всех бурь и страданий этой жизни. Нужно человеку задуматься над этим.

Некоторые думают, что все происходящее здесь, на земле, не будет иметь никаких последствий. Человеку с нечистой совестью, конечно, так приятнее думать. Но зачем обманывать себя? Рано или поздно придется увидеть ослепительную тайну чистоты мироздания.

Мы себя ощущаем как жизнь. Неужели же мы себя так мелко расцениваем и так неглубоко понимаем Того, Кто сотворил миры, чтобы думать об этой земной жизненной суете как о бытии человека? Мы гораздо более и выше того, что мы привыкли здесь, на земле, считать не только своею жизнью, но даже своими идеалами. Но мы – зерно, положенное в землю. И

потому нам сейчас не видна поверхность вселенной, та истинная картина природы, которая откроется нашим глазам в минуту так называемой смерти, то есть для всех весьма скоро.

Что такое смерть? Смерть – это совсем не гроб, не балдахин, не черная повязка на руке, не могила в глине. Смерть – это когда росток жизни нашей вылезет на поверхность земли и станет под прямые лучи Божьего солнца. Умереть и прорасти зерно жизни должно еще здесь, в земле. Это так называемое в Евангелии «рождение духом», «второе рождение» человека. Смерть же тела есть оставление ростком земли, выход из земли. Всякого человека, получившего хотя бы самую маленькую духовную закваску, хотя бы самую незначительную евангельскую жемчужину «внутри себя», ожидает совсем не смерть, и даже – далеко не смерть. Для мертвых же духом, конечно, гробы, могилы, черные повязки – это все реальности. И их духу нельзя будет выйти на поверхность истинной жизни, ибо они на земле для себя, для грехов своих не умерли.

Как яйцо, мы закрыты от иного мира тонкой скорлупой тела. И скорлупки наши бьются одна за другой... Блажен человек, который окажется живым, сформированным для будущей жизни организм. Достоин плача состояние того, кто окажется бесформенной жидкостью... и еще даже может быть отвратительной по своему нравственному запаху!

Здесь, на земле, мы истинно в темноте духа, в утробе его. И неужели не преступно, находясь в таком состоянии, не готовиться к своему настоящему рождению, но считать свой мрак – либо идеальным предельно радостным местом жизни (как считает оптимистический атеизм), либо непонятным местом бессмысленных страданий (как считает атеизм пессимистический)?

Физическим глазам смысл, конечно, не виден, но в него очень легко, более чем легко поверить, подумав над собой и над Евангелием. Об этом смысле кричит вся природа; о нем начинает кричать всякая пробудившаяся душа человека.

Как бережно всем нам, «не-проросшим» людям, надо относиться друг к другу... Как нужно оберегать друг во друге это прораствание, этот выход на вольный воздух, под Божье солнце!

Человек страшно и за все ответствен, и трудно теоретически вообразить себе несчастье того человека, который, атеистически прожив на земле «так, как будто ничего нет», вдруг очутится лицом к лицу с реальностью не только более яркой, чем эта наша земля, но даже превосходящей все наши понятия о реальности... Не об этих ли душах страдал Господь в Гефсиманском саду? Во всяком случае, и за них Он принял страдание Креста.

Если бы видимое небо не отделяло нас от неба невидимого, мы бы содрогались от тех несоответствий Духа, которые существуют меж ангельской торжествующей церковью и нашей земной церковью, почти не воинствующих, дряблых человеческих душ. Мы бы ужаснулись и поняли бы ясно ту истину, которая нам сейчас непонятна: что сделал для нас Господь Иисус Христос и что Он делает для каждого из нас. Его спасение мы представляем себе почти теоретически, абстрактно. Но когда бы мы увидели, с одной стороны, белоснежные сонмы молниелучных чистых духов, огненных, пламенных, горящих невообразимой любовью к Богу и устремленных ко спасению всего творения, и, с другой стороны, увидели бы землю с ее сотнями миллионов полулюдей, полунасекомых, с сердцами, устремленными только к земле, людей, пожирающих друг друга, самолюбивых, сластолюбивых, деньголюбивых, несговорчивых, одержимых прилипшими к ним темными силами, мы бы ужаснулись и вострепетали. И нам бы предстала ясная картина безусловной невозможности спасения «естественными» путями. Рассуждения оккультистов об эволюционном движении перевоплощающегося человечества ввысь нам бы показались, в лучшем случае, безумными. Мы бы увидели, что тьма над человечеством не редет, но сгущается... И мы бы поняли, что сделал для людей Воплотившийся на их земле Творец. Мы бы увидели, как колоски даже с одним зернышком берутся небесными жнецами на небо, что *малейшая искра Христова в человеке* – как единое зернышко в колоске – уже спасает этого человека. Все темное зачеркивается, отсекается, берется одна только искра, и

она становится вечной жизнью человека. Слава спасению Христову! Воистину мы ничего не имеем в себе, кроме своего лежащего в прахе достоинства человеческого. И из этого праха мы возникаем благодатью Христовой и искрой уносимся в небо. Но уносимся, если зажглась в нас эта искра любви к Богу, если мы способны оттолкнуться душой от всего смертного в мире, способны заметить это смертное в малейшем и так же оттолкнуть его от себя. Чуткость к малейшему в себе будет для нас показатель здоровья нашей души. Если атомы действительно заключают в себе точные солнечные системы, то это прекрасный пример органической однородности всякого греха: малого и большого.

Речь о необходимости отвержения даже самого мелкого греха приводит нас к самому важному вопросу человеческой жизни: вопросу о жизни после смерти.

Откровение Церкви утверждает, что не освободившаяся от той или иной страсти душа перенесет эту свою страсть в потусторонний мир, где ввиду отсутствия тела (до воскресения) невозможно будет эту страсть удовлетворить, отчего душа будет пребывать в непрестанном томлении самосгорания, непрестанной жажде греха и похоти без возможности ее удовлетворить.

Гастроном, только и думавший в своей земной жизни что о еде, несомненно, будет мучиться после своей смерти, лишившись плотской пищи, но не лишившись духовной жажды к ней стремиться. Пьяница будет невероятно терзаться, не имея тела, которое можно удовлетворить, залив алкоголем, и тем немного успокоить на время мучающуюся душу. Блудник будет испытывать то же чувство. Деньголюбец – то же... Курильщик – то же.

Легко сделать опыт. Пусть курильщик не покурит двое-трое суток. Что он будет испытывать? Известное мучение, смягчаемое еще всеми отношениями и развлечениями жизни. Но отнимите жизнь с ее развлечениями... Страдание обострится. Страдает не тело, но душа, живущая в теле, привыкшая через тело удовлетворять свою похоть, свою страсть. Лишенная удовлетворения, душа страдает. Так страдает, конечно, и душа богатого грешника, вдруг лишившаяся богатства, покоелюбца, лишившаяся покоя, душа самолюбца, получившая удар по самолюбию... Сколько самоубийств было на этой почве! Все это опыт, голый опыт нашей земной жизни. Уже здесь, на земле, мы можем проделывать опыты над своей душой. Следует каждому человеку быть дальновидным. Нужно оберегать свой дом от подкопа (см.: Мф 24, 43).

Чувствуя это, неужели можно спокойно предаваться страстям или даже делить их на серьезные и невинные? Ведь огонь все равно огонь – как доменной печи, так и горящей спички. И тот и другой мучителен для человека, касающегося его, и может быть смертелен. Нужно понять эту несомненную истину, что всякая страсть, всякая злоба, всякая похоть есть огонь.

Божий закон заключил инстинкты тела человеческого в рамки, а волевой и раздражительной энергиям души дает истинное направление, чтобы удобно и легко шел человек к одухотворению. Как назвать того человека, который, понимая все это, спокойно и легкомысленно относится к своим страстям, извиняет их, усыпляя все признаки спасительной чуткости в своей душе?

Надо прежде всего *перестать оправдывать свою похоть* – даже самую малейшую, надо осудить ее пред Богом и самим собой. Надо взмолиться об избавлении, о спасении. Спаситель Господь называется Спасителем не отвлеченно, но реально. Спаситель спасает от всех слабостей и страстей. Он избавляет. Он исцеляет. Совершенно видимо, ощутительно. Исцеляя, прощает. Прощение есть исцеление того, что надо простить. Дается оно только алчущим и жаждущим этой правды. Просто хотящим, тлеющим в желании своем не дается исцеления. Горящим же, пламенеющим, умоляющим, стремящимся сердцем – дается. Ибо только такие способны оценить дар Божьего исцеления, не растоптать и возблагодарить за него, чутко охранить именем Спасителя от новых искушений зла.

Конечно, курение – очень небольшая похоть, как и спичка – небольшим огонь. Но и эта похоть – духопротивна, и невозможно себе даже представить кого-либо из ближайших Господних учеников, курящих папиросы.

«Уничтожай малую похоть», – говорят святые. Нет такого желудя, который не заключал бы в себе дуба. Так и в грехах. Малое растение легко выпалывается. Большое требует специальных орудий для своего искоренения.

Духовный смысл курения и всех мелких «оправдываемых» противозаконий духа есть распущенность. Не только тела, но и души. Это есть ложное успокаивание себя (своих «нервов», как говорят иногда, не вполне сознавая, что нервы – плотское зеркало души). «Успокаивание» это ведет ко все большему удалению от истинного покоя, от истинного утешения Духа. Это успокоение – мираж. Сейчас, пока есть тело, его надо возобновлять постоянно. После это наркотическое успокоение будет источником мучительной плененности души.

Надо понять, что «срывающий», например, свою злобу – тоже «успокаивается». Но, конечно, лишь до нового припадка злобы. Успокаивать себя удовлетворением страсти нельзя. Успокоить себя можно, лишь противопостав страсти, удержавшись от нее. Успокоить себя можно, лишь понеся крест борьбы против всякой страсти, даже самой мельчайшей, крест ее неприятия в свое сердце. Это путь истинного, твердого, верного и – главное – вечного счастья. Поднявшийся над туманом видит солнце и вечно голубое небо. Поднявшийся над страстями входит в сферу мира Христова, неописуемого блаженства, начинающегося уже здесь, на земле, и доступного каждому человеку.

Миражное счастье – папироса. Такое же, как на кого-нибудь рассердиться, пред кем-нибудь погордиться, покрасить для людей свои щеки или свои губы, украсть маленький кусочек сладости – маленькую копеечку с церковного блюда Божьей природы. Не нужно искать таких счастлих. Их прямое, логическое продолжение – кокаин, удар по лицу человека или выстрел в него, подделка ценности. Блажен человек, кто, найдя такое счастье, оттолкнет его с праведным и святым гневом. Это царствующее в мире демоническое счастье есть блудница, вторгнувшаяся в брак души человеческой со Христом, Богом истины и чистой блаженной радости.

Всякое утешение вне Духа Святого Утешителя есть тот безумный соблазн, на котором строят свои мечты устроители человеческого рая. Утешитель – один только творческий Дух истины Христовой.

Молиться духом, куря папиросу, невозможно. Невозможно проповедовать, куря папиросу. Перед входом в храм Божий откидывается папироса... *но храм Божий – ведь это мы.*

Кто хочет каждую минуту быть храмом Божиим – откинет папиросу, как всякую ложную мысль, всякое нечистое чувство. Отношение к маленькому душевному движению в себе – термометр горячности веры человека и его любви к Богу.

Можно себе представить такой жизненный пример: табак как растение не имеет в себе никакого зла (как и золотой песок, как и хлопок, из которого выделяется денежная ассигнация). Абрикос – Божье растение. Алкоголь бывает очень полезен организму человека в известные минуты и в известных дозах, ничуть не противореча духу, как умеренный чай или кофе. Дерево, материя, из которых делается мебель, все – Божье... Но теперь возьмем эти слагаемые в следующем сочетании: в мягком кресле развалился человек и курит гаванскую сигару, ежеминутно прихлебывая из стоящей около него рюмки абрикотин... Может ли этот человек в таком состоянии вести беседу о Живом Боге – творить молитву Живому Богу? Физически – да, духовно – нет. Почему? Да потому, что человек этот сейчас распущен, его душа утонула и в кресле, и в гаванской сигаре, и в рюмке абрикотина. В эту минуту у него почти нет души. Он, как блудный сын Евангелия, скитается «в далеких краях». Так может человек потерять свою душу. Теряет ее человек все время. И хорошо, если и все время опять находит ее, борется, чтобы не терять, дрожит над душою своею, как над любимым младенцем своим. Душа – младенец бессмертия, беззащитный и жалкий в условиях окружающего нас мира. Как нужно при-

жимать к груди своей, к сердцу своему свою душу, как нужно любить ее, предназначенную для вечной жизни! О, как нужно счищать даже малейшее пятнышко с нее!

Сейчас был представлен пример невозможности сохранить свою душу, сластолюбиво распределив ее по окружающим предметам: креслу, сигаре, ликеру. Пример взят особенно красочный, хотя бывают в жизни и еще более красочные. Но если взять не красочный, а серый, но того же распущенного духа, – все останется той же самой атмосферой, при которой меньшим грехом будет молчать о Христе, чем говорить о Нем. Вот где разгадка того, почему мир молчит о Христе, почему ни на улицах, ни в салонах, ни на дружеских беседах люди не говорят о Спасителе вселенной, о Едином Отце мира, несмотря на множество людей, верующих в Него.

Не всегда перед людьми стыдно говорить о Боге; иногда перед Богом стыдно бывает говорить о Нем людям. Мир инстинктивно понимает, что в той обстановке, в которой он находится все время, – меньше греха молчать о Христе, чем говорить о Нем. И вот люди молчат о Боге. Страшный симптом. Наводняется мир легионами слов, одержим язык человека этими пустыми легионами, и – ни слова, почти ни слова о Боге, о начале, конце и средоточии всего.

Ибо сказать о Боге – это сейчас же обличить себя и весь мир. И если слово о Боге все же сказано, его трудно договорить до конца – и пред собой, и пред миром.

Если у человека нет отвращения к своим маленьким грехам, – он духовно нездоров. Если есть отвращение, но нет сил преодолеть слабость, значит, она оставляется до того времени, пока человек не проявит свою веру в борьбе с чем-нибудь более для него опасным, чем данная слабость, а она оставляется ему для смирения. Ибо немало людей на вид беспорочных, не пьющих и не курящих, но подобных, по слову Лествичника, «гнилому яблоку», то есть исполненных явной или тайной гордыни. И нет возможности смирить их гордыню, как только каким-либо падением. Но останется вне Царствия Божия и его законов тот, кто сам, по тем или иным соображениям, разрешит себе мелкие грехи. Такой человек, усыпляющий свою совесть, делается не способен преступить грань подлинной жизни духа. Он остается всегда подобен юноше, подходящему ко Христу и сейчас же отходящему от Него с печалью или даже иногда без печали, а просто чтобы... «покурить»!

Ригоризм и пуританство чужды евангельскому духу. Фарисейская праведность без любви – более темна в очах Божиих, чем всякий грех. Но и теплохладность христиан в исполнении заповедей – так же темна. Как фарисействующие, так и торгующие и курящие в храме Божьем – одинаково изгоняются из храма.

Ибо воля Божия есть «освящение наше» (см.: 1 Фес 4, 3). Чуткая совесть сама изострит зрение для обнаруживания той чуждой пыли, которая лежит на ранах души.

Сын Божий и Сын Человеческий дал нам одну заповедь для жажды: *«Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть»* (Мф 5, 48). В ней Господь как бы говорит: «Люди, Я не даю вам меры – определите ее сами. Определите сами меру вашей любви к чистоте Моей и вашего послушания этой любви».

О смехе

Есть два смеха: светлый и темный. Их сейчас же можно различить по улыбке, по глазам смеющегося. В себе его различить можно по сопровождающему духу: если нет легкой радости, тонкого, смягчающего сердце веяния, то смех – несветлый. Если же в груди жестко и сухо и улыбка кривится, то смех – грязный. Он бывает всегда после анекдота, после какой-нибудь насмешки над гармонией мира. Искривляемая гармония мира искривляет душу человека, и это выражается в кривлении черт лица.

Горе вам, так смеющимся ныне, ибо восплачете (см.: Лк 6, 25). Заплачете! Потому что увидите, что приложили радость не к тому, к чему можно приложить, но к тому, что достойно муки.

Благостная улыбка есть зеркало найденной гармонии. Святые улыбаются, не смеясь. Смех как полнота чистой радости есть состояние будущего века. *«Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеются»* (Лк 6, 21). Аскетический опыт осветления и преображения человека советует даже улыбаться, не открывая зубов (лучше немного меньше радости, чем хотя бы самая мимолетная нечистота в ней!).

Анекдотический смех, которым смеются в кинематографах, театрах, на пирушках и вечеринках, которым легко осмеивают ближнего, смеются над слабостями и над достоинством человеческим, над совестью его и над грехами, для увеселения и для забвения печали, без смысла и тщеславно смешая других, все это – *болезнь духа*. Можно сказать даже точнее: это – *симптом болезни духа*.

В мире духов живут нечистые духи; они видны бывают на лицах, закатывающихся смехом... Ангельская радость озаряет лицо улыбкой.

Добрым смехом бесшумно развеять можно скопившиеся тучи злобной спорливости, ненависти, даже – убийства... Хорошим смехом восстанавливается дружба, семейный очаг.

Едкий смех – не от Бога. Язвительная улыбка, сарказм остроты, это – пародия на евангельскую соль мудрости. Пародия, искривляющаяся в улыбке.

Острота слова всегда взрезывает душу. Но острота, будучи даже одинаковой у двух ножей – хирургического и разбойничьего, производит совсем разное действие. Одна, взрезывая, пропускает свет небесный и теплоту Духа или вырезает гноение, обрезает мертвость; другая – безблагодатная острота – режет, кромсает душу и часто убивает.

Остры только святые, и только святое остро. Грязные же духи пародируют остроту, и много людей в мире изощряется в высказывании себя чрез эти остроты.

Предел духовной нечистоты смеха – гомерический хохот, гоготание... Такой смех настаивает людей недалеко от обильных трапез.

Блюдущий себя, *благоговеинствующий пред тайной своей жизни*, будет блюсти как всю свою жизнь, так и свой смех. Даже свою улыбку он соблюдет пред Богом. Все будет у него – помощью невидимых хранителей его – чисто и ясно.

Святые светили миру и плачем своим, и улыбкой. Как дети. Ибо только у детей и у подлинно верующих во Христа людей есть чистота жизни, видимая телесными глазами, даже в чертах лица.

Просто и чисто все у детей, еще не коснувшихся тленного духа. Смерть еще не выявилась в усмешке их смертной природы, им дана весна жизни, как начаток и как воспоминание рая; и вот, они чисто смотрят, чисто смеются, нелукаво говорят, легко плачут, легко забывают свой плач...

«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное» (Мф 18, 3)... Ясно – почему.

Высшая похвала человеку – сказать: «У него детский смех»... смех непорочный, близкий к райской гармонии.

Агония одиночества

Пневматология страха

I

Страх – агония человечества... Трудно до конца ее понять и совсем нельзя вылечить. Ее можно только исцелить небом или заглушить землею, затормозить суетою, прикрыть заботами; отвлечь только себя можно от этой муки различными стремлениями, планами, надеждами, краткими радостями земли или иной ее болью.

Страх, как ветер, встречает человека на всех путях его. Чего только не страшатся люди в мире! Отошедшие от своего доверия к Творцу, они строят свою земную жизнь, окруженные тревогами, опасениями, страхом и ужасом.

Перестав пребывать в раю сладкого Божиего доверия и своего доверия к Богу, люди стали мучительно всего бояться и весь мир пугать собою. Люди наполнили землю непрочностью и бедственностью, в которой живут непрестанно призываемые в иную, высшую жизнь, но почти не откликающиеся на нее. Утонувший в земле человек видит сейчас только черноту земли. И вся природа чувствует эту отлученность человека от высшей жизни и свободы, и мучает его, и боится его... Тернии окружили жизнь человеческую, и волчцы выросли на ее дорогах. Зло и страх стали жалить человека. Они могут его жалить только «в пяту» (Быт 3, 15), но в пяте, то есть во внешних, периферийных чувствах и мыслях, сосредоточилась теперь вся земная жизнь, ниспавшая с высоты светлого разума. И, поражаемый в свою жалкую пяту, человек стал изнемогать всею глубиной своего существа – так он слаб, лишенный благодати. Как зверь, он трепещет и страшится всего. «*Страх и трепет прииде на мя, и покры мя тьма*» (Пс 54, 6).

Утерев свою первую любовь (см.: Откр 2, 4) и еще не научившись последней своей любви – во Христе, человек озирается в своем огромном и холодном логовище мира и страшился. Так началась его история, которая не изжита донине человечеством. Он стал истаивать очами от опасности, от неверности своей жизни и жизни другого человека. Злые силы стали мучить его, влечь к себе, дарить ему свои призрачные наслаждения, а после бить его, наслаждаясь его беззащитностью и омраченностью. И человек привык к власти темных сил над собою. И стало его посещать новое чувство: радость быть злым и страшным для окружающих. И чем более он живет в своей злобной усладе ненависти к другому человеку, властности и гордости, тем более он страшится и опасается другого человека.

Таинственно и страшно рождение человека в мире. Страшен для человека переход из темной утробы мира в таинственную вечность. Страшна своей новизной и ответственностью каждая минута этой жизни. Но человек научился обманывать свой страх, прятать его, даже смеяться над ним; обманывать его, даже подчиняясь ему и принося ему жертвы для получения большей легкости существования под его властью. Такова сущность древнего и современного идолопоклонства, культивирования искусственного сада жизни и мысли вне Бога... Человек обманывает себя, живя бездушно и бесстрашно.

Современный бег человечества, его интересов, его воображения и цивилизации, все ускользающее коловращение людей в пространстве и времени вырастает не только из социальной и культурной связи людей, но и из страшного одиночества человека в мире, от одиночества, которое человек хочет скрыть от себя и от других.

Древнее поклонение идолам и фетишам было уже явлением этого одиночества. Стремясь скрыть от себя и от других свое ничтожество и свою метафизическую наготу без Бога, человек строил и строит мир. Но даже в этом темном стремлении человека – скрыть от себя самого свою слабость и малость – кроется искра его свободы в выборе своего пути.

Не оценивший и не ценящий своего высокого достоинства и своей свободы быть сыном Божиим, человек должен теперь учиться этой свободе веры в Бога, любви к Богу и послушания Ему чрез всю боль своей нелюбви, своего неверия и непослушания. Оставаясь Божьей до последней своей пылинки и травинки, земля стала суровой школой для человека. Благоуханная близостью к небесному миру, земля стала для человека суровым училищем Божьей правды. Внутреннее зло человеческой нелюбви к Богу сделалось и все делается внешней, физической и исторической обстановкой человека. Возникающее в душевной бездне и не омываемое покаянием, зло идет ранами, язвами и болезнями по телу земли. «Тернии и волчцы» Библии, которыми окружена наша жизнь, – это наши болезни, наши страхи, наши смятения и ужасы; они вползли, вбежали, влетели в мир внешний чрез внутренний мир человеческой души, содрогнувшейся и потрясенной от своей измены Богу.

Историки Древнего мира (как Fustel de Coulanges – «La cité antique») свидетельствуют о том нечеловеческом, «тоталитарном», темном страхе, которым двигалась и направлялась история Древнего мира.

Во всех областях жизни люди были рабами своего темного страха, пока не был дан им новый страх – высокий страх святого закона. Творец излечивает людей страхом Своего закона от страхов земли. Все омрачающееся и чего-то все время страшящееся на каждом шагу человечество может быть излечено от темного страха только новым страхом, высшим, светлым; уже не бессмысленным трепетанием пред ужасом жизни и рока, но страхом благоговения пред законом Творца и Его Духа, страхом нравственной ответственности за данные таланты истины и любви. *«Изуй сапоги твои, ибо земля, на которой ты стоишь, свята есть»* (Деян 7, 33).

После воплощения Логоса и пришествия в мир огня Духа вся земля (для высшего сознания человеческого) стала святою и грех человеческий среди земли приобрел еще большую отвратительность, является еще большим безумием, чем во времена одного закона. Светлый страх пред горящим кустом великого Божьего совершенства есть начало последней мудрости человека: *«Начало премудрости страх Господень»* (Пс 110, 10). Словом Своей истины Творец вырвал смертельную стрелу из жизни человечества и поразил зло этою же стрелой. Освободив страх от его демонического яда, Дух Божий стал укреплять и возвышать этим страхом сердца людей. И, привыкшие к страху как к своей жизни, люди стали питаться новым, высшим страхом и возвращаться к Богу, к смыслу своей жизни, освобождаясь от своих старых страхов. Страх оказался обезвреженным, преображенным, поднятым к небу...

Этот страх Божий способен к бесконечному возвышению и утончению и выходит из сферы всякой боязливости. Оттого он не был отменен приходом на землю Богочеловека, принесшего миру Новый Завет уже не страха, а бесстрашия любви. Страх остался в мире, как светлый нимб над огненным человеческим стремлением к Божьей чистоте.

Человечество стало жить меж двух страхов: чистым, святым и темным, грешным, загорающаяся то одним, то другим страхом. Человек еще остался способен рядом с возвышенными чувствами благоговения ангельского пред именем Господа Сил таить в себе и обнаруживать темный демонический страх – суеверия, самолюбия и эгоизма.

Глубокая душевная раздвоенность, многими людьми переживаемая и сознаваемая, может быть исцелена только очищением и *освящением страха*. Уничтожить в своих переживаниях всякий признак какого бы то ни было страха невозможно. Но можно возвысить свой страх. В этом совершается религиозное цветение человеческой личности.

Первый темный страх человека есть боязнь увидеть Бога. Это – всемирное постоянное прятанье Адама-человечества от близости Божией. *«Наг есмь и скрылся»* (Быт 3, 10). Так и по сей день человечество скрывается от Бога в своих делах, чувствах и желаниях.

Второй темный страх человека – это боязнь увидеть человека. Глубина антропологической правды раскрывается уже на первых страницах Библии: *«Вот... я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня»* (Быт 4, 14). Это слова Каина после убийства брата.

Как страшится человек не найти Бога, так страшится он и найти Бога, увидеть своего Спасителя внутри себя и внутри другого человека. Страшится иногда человек найти высшую человечность в себе и в брате.

«Где ты, человек?» – зовет Дух Божий все того же древнего библейского Адама, человечество. И каждый человек сознательным или бессознательным движением души своей отвечает Богу: *«Голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся»* (Быт 3, 10).

Убегание от человека есть лишь второй этап ухода от Бога. Ушедшие от Бога, но еще не ушедшие от человека близки к возвращению к Богу. Метафизически уход неверующего в Бога человека от другого человека есть последняя форма нравственного солипсизма, злокачественная опухоль человечества, развивающегося не в сторону Божественной истины, а в сторону своего собственного эгоистического существа.

Страхи злых служат злу. Страшится человек признать себя духом нищим и нагим. Осознавая же себя нагим, страшится обратить чело свое и вечность свою (человечность) к Богу. И, боясь этого, боится обнаружить где-либо в мире или в своей жизни Бога. Так изгоняет сам себя человек от лица Божия во «тьму внешнюю», где «плач и скрежет зубов», безысходное страдание человечности, не желающей для себя умереть и воскреснуть в Боге.

Ужасом своего несоответствия Богу, иногда очень глубоко живущим, объясняется неверие человека, эта темная человеческая боязнь обнаружить у себя или где-либо в мире Бога. «Нет Бога!», «Не может быть Бога в мире, где столько зла и страданий!» Ведь это уже есть знание о Боге и уже трепет пред своим и мировым несоответствием Ему. В неверии есть ужас возможности встречи с Богом. Страх отодвигается, душа успокаивается неверием... Так только бегающая по земле птица пустынь страус прячет свою голову в песок, спасаясь от преследования. И так человек скрывается в пустоту от Творца.

Но мы видим в страхе падшего человека и райский ответ первого стыдливового целомудрия твари: *«Господи, отойди от меня, ибо я человек грешный»* (см.: Лк 5, 8). Так восклицает охваченный стыдом и ужасом своей слабости и нечистоты апостол Петр после явленной ему чудесно милости на Тивериадском озере. Здесь открывается уже не темное стремление бежать от Святого Святых, но ангельское скрывание себя от Него, по любви к Нему, от стыда за себя, за свою немощь и неподготовленность к этой встрече.

И человек в этом светлом ужасе уже носит в себе ответ рая, радость Херувимов и Серафимов, закрывающих лица свои от Солнца любви.

Всякому истинному покаянию присуще чувство святого сокрывания себя от Бога, которое показывает райскую природу человеческого покаяния как нахождения места своего духовного соответствия Богу. Светлый трепет блудного сына пред любовью Отца, сознающего, что он «не имеет права называться сыном», – это тот же страх, что и страх апостола Петра после чудесного улова рыбы на Галилейском озере.

Если бы наших человеческих сердец касался только такой страх! Но мы, люди, бываем либо бесчувственно дерзки ко всему – к жизни и к смерти, к добру и к злу, либо чрезвычайно страшливы и пугливы, недоверчивы к жизни, к стихиям, к зверям и людям. И даже само бесстрашие наше часто является не признаком вечной жизни, в нас начавшейся, а только одним из выражений нашего бесчувствия к тайнам жизни и ее святыням.

Не боящийся никаких трудностей жизни и смерти, самоуверенный человек вдруг бывает напуган одною возможностью получить выговор начальника, вызвать насмешку общества или, наоборот, не получить какого-либо отличия, удовлетворения самолюбию. Храбрые воины бледнеют от слова или взгляда слабой женщины. Темный страх всегда вызывается страстью. Этот страх есть всегда следствие неверной любви либо к миру, либо к другому человеку, либо к себе. Но бывает страх и от душевной пустоты, от потери человеком себя. Этим последним страхом испугался апостол Петр во дворе Каиафы, в присутствии Самого Христа Спасителя. Жизнь готовый отдать за Христа, он (таково следствие самонадеянности) вдруг потерялся и испугался.

Среди своего темного страха современный человек похож на самого примитивного. Чего только не боятся люди! Жизнь современного человека, как и древнего, соткана из страхов, которые проносятся в его душе, как птицы, не всегда отражаясь на экране его сознания. Современный человек не осознает всех своих страхов. Но если в его сердце нет полного мира, можно сказать, что страхи, эти дети его человеческих страстей, живут в его душевном доме.

Страхи входят в двери и окна человека, свистят в его замочных скважинах, наполняют все поры жизни, парализуют деятельность людей деятельных и возбуждают к деятельности недеятельных. Кто не бесчувствен, чего-нибудь да боится, иногда – многого. Правители и подданные, начальники и подчиненные, богатые и бедные, здоровые и больные. Каждый страшится по-своему... Несомненно, что, со всех сторон устрашаемый всяческими личными, общественными и мировыми привидениями, современный человек еще больший раб демонических страхов, чем древний язычник или наивный африканец наших дней.

Еще недавно множество людей, уstraшенных авторитетом науки, спешили отречься от высших ценностей своей жизни и культуры – от Творца, от вечного спасения своего, от Евангелия, от своей души... Разве это не был страх перед привидениями? Исчезли теперь эти детски научные выводы прошлого столетия пред светом нового человеческого познания, пред новым словом науки, уже не противопоставляющей себя Богу, но скромно осознающей свои пределы.

Человека мучает собственное тело. Тело человеческое имеет свое собственное понимание счастья и горя, радости и печали. Телесные эмоции бывают для человека новым источником страданий и страхов – страхов тела и страхов уступить телу. Тело косно, настойчиво и грубо в отношении духа, оно имеет свою собственную психологию и волю. Оно наступает на дух человека, как лев; связанное духом, обращается в жалкого пса. Оно «от мира сего» и высших запросов человеческого духа не признает; его приходится принуждать к добродетели, к молитве, к самоотвержению.

Тело «душевное» (см.: 1 Кор 15, 44) страшится многого. Оно нередко дрожит, в то время как дух человека остается мирным и преданным в руки Божьи (опыт многих верующих людей во время воздушных бомбардировок).

Человек *страшится встретить самого себя*, потому что, найдя себя, человек может найти Бога.

А Бога не хочет человек встретить. Оттого человек страшится своей великой глубины и убегает всю жизнь от малейшего углубления в себя. Весь бег его жизни, вся сутолока мира, вся динамика его цивилизации с ее нивелировкой и стандартизацией жизни, ее развлечения и увлечения, заботы, планы и энтузиазм словно изгоняют человека от Лица Божия и лишают человеческого лица. Но – *«камо пойду от Духа Твоего, Господи, и от лица Твоего камо бегу?»* (Пс 138, 7). Этому еще многие не понимают. Порыв неверующего или мало верующего человека направлен к тому, чтобы бежать от своей глубины, от своей тишины, где скрыто райское блаженство, где Бог встречает человека. Бежит человек от духовного мира – куда? В порочный круг внешнего творчества, внешних задач, внешних отношений к людям, преходящих успехов, мгновенно возникающих, никогда не насыщающих радостей. И человек все более боится остаться наедине с самим собою. Он уже больше не смотрит на звезды, не задумывается в

тишине над жизнью. Глубина его души, могущей вместить великую любовь Самого Творца, не радостное для него, но жуткое видение.

Человек боится глубины своего бессмертного «я», своей абсолютности, способности на все: возможной бездны своего преступления и предельной своей самоотдачи Богу.

И во всем человек страшится боли своей и неизвестного как неожиданной боли. Страшится он и самого страха своего, ибо страх есть боль; и радости даже иногда страшится человек, ибо радость неверна и, уходя, приносит боль; человек может страшиться радостных своих надежд. Как глубок человек, так таинственно безбрежен мир его духа; можно поистине сказать: такой дух, как человеческий, мог быть дан только бессмертному человеку.

Научная психопатология и психотерапия слишком отвлеченно (и потому неверно – вне критериев добра и зла) исследуют область бессознательного, оттого даже в самых тонких своих анализах не могут коснуться настоящих тайн жизни человека.

II

Светлые страхи рождаются от страха Божия. Благоговение, трепет веры и надежды входят в сердце человека острой болью и блаженством светлого страха.

Любящий волю Божию более своей жизни страшится сделать что-либо в мире от себя, а не по Богу, сделать что-либо так значит для него причинить себе мучения. И человек осторожно ходит и наполняет мир только благоуханным медом жизни. Человек страшится греха, но не как внешней, роковой силы, а как чего-то, созвучного своей слабости... *«Не введи нас (нашу слабость!) во искушение»* (во испытание), *«не подвергай ее экзамену»*, – просит Бога смирившийся человек... *«На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия»*, – отвечает человеку Бог. Эту истину 90-го псалма знает верная Богу душа и не боится ни тьмы мира окружающего, ни своей. Она боится лишь одного: страшно огорчить любимого! Это – страх учеников Христовых. Человек тогда страшится уже не мучений своей неверности Богу, но – потери этих мучений, страшится мирных и безболезненных для себя нарушений Божественной воли. Это – высший круг страха, вводящий в небесную гармонию духа и эту гармонию в человеке охраняющий. Светлый страх вдохновляет и живит человека своей мукой.

Окрыленный, подъятый этим страхом Божественной любви, человек обретает свободу от греха и освобождается от низших мучений страха.

Опыт «различения духов» (см.: 1 Ин 4, 1) есть опыт и различения страхов. Страх всегда вдохновлен каким-то духом. Темные страхи гнетут, обессиливают, убивают. Светлые страхи собирают душу, очищают, вводят в мир Святого Духа.

Темный страх есть недостаток любви к Богу и к ближнему. Любящий перестает страшиться. «Любовь побеждает страх» (см.: 1 Ин 4, 18). Как свобода движения побеждает скованность, так любовь побеждает страх. Чистая, сыновняя отданность человека Богу или братская отданность сердца другому человеку побеждает страх себялюбия, захлаживающий, леденящий сердце. Но это относится только к истинной любви. Неверная, движущаяся страстью или похотью любовь не знает бесстрашия; она не побеждает страха, но усиливает его, так как усиливает самость человека. Даже материнская любовь, одна из высоких и жертвенных любовей этого мира, лишь в одухотворении и возвышении к Богу себя и любимых побеждает естественный страх.

Полное освобождение от естественных и противоестественных страхов достигается только через «освобождение сына» – когда сын, то есть Божий человек, освобождается в самой душе человеческой, и совершает это освобождение Сын Божий. «Освобождение сына» совершается через вытеснение из человеческой души какой-либо страсти и тем самым связанного с нею страха. Иногда всех страстей и всех страхов. Тогда все тени уходят из души; и даже тени теней ее покидают.

Святитель Иоанн Златоуст говорил, что для него ужаснее вечных мук было бы увидеть кроткий лик Господа Иисуса Христа, с печалью отворачивающийся от него... Вот психология истинной веры: *страх огорчить любимого Господа*, не принять с безмерностью Духа Его безмерную любовь.

Ни Иоанн Златоуст, ни другие праведники не были, конечно, свободны на земле от страхов человека, «в мире живущего и плоть носящего». Спутник Павлов, Лука, говорит, что Ангел, явившийся апостолу Павлу на корабле во время ужасной бури, сказал: «Не бойся, Павел, тебе должно предстать пред кесаря». Несомненно, Ангел из своего духовного мира видел, что у апостола был тогда и некий плотский страх. Мы видим далее, как, идя узником по Аппиевой дороге к Риму, престарелый апостол ободрился, увидев тамошних братьев. Так человечно описание этой немощи апостола. И не раз он испытывал беспокойство. *«Когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи»* (2 Кор 7, 5).

Ветер мира рябил и страхом поверхность этой до конца богопреданной души. Но он не помешал ее апостольскому делу. В этом и открывается сила Божия, действующая в преданной Богу слабости человеческой. Вся красота человека в том, что ничто не в силах удержать его от дела Божиего в мире. Мир ищет «сильных» и их рассеивает, как прах. Творец приближает к Себе «слабых» (в их собственном сознании), так как только правдиво осознавший себя слабым, нуждающимся в силе Божией человек может принять силу Божию.

Человек страшится *умирать в Боге, до конца* посвящать себя и все Богу. Но ему не надо пугаться ни мнимой великости своих усилий и жертв на путях к Богу, ни своих слабостей, ни страхов на этих путях. Через все эти бездны переносится человек силой Божией, когда это надо для дела Божьего и человеческого в мире. А не надо, и человек вновь стоит у бездны своей, бессильный и блаженный в своем бесстрашном ничтожестве.

Верная и в желании верности пребывающая душа остается всегда в светлой настороженности, она боится не узнать воли Божией или, зная ее, в чем-либо изменить ей. *«Не введи нас во искушение»* – молитва всех правдиво сознающих возможность своего невнимания, своей рассеянности, своего увлечения второстепенным и своего падения. Но чувство своей слабости у христианина никогда не переходит в inferiority complex (комплекс неполноценности (англ.). – *Прим. ред.*). Наоборот, это чувство есть крыло веры, мужества и утверждения в Боге. Учитывая свою слабость, слабость всех вообще людей и паутинность всего мира, человек ни в чем не полагается ни на себя, ни на что-либо «от мира»; ни в чем земном не утверждает своей последней надежды и в этом никогда не обманывается.

Сила страха Божия рождает в душе отталкивание от зла и влечение к правде. Живущий в свете страха Божия видит в своем сердце все тени. И чем больше вмещает в себе свет Христов, тем яснее видит малейшую свою неверность Богу и горячее ненавидит всякое приближение греха к своему сердцу, справедливо видя даже в малейшем грехе средостение меж Богом и собою. Это постоянное внимание к себе и рождающаяся от познания движений воли своей светлая ненависть к себе совсем не похожи на ту ненависть к себе, на которую способен в отношении себя человек, любящий только самого себя. Есть евангельская ненависть к себе и есть демоническая. Человек, живущий во зле, тоже способен подчас искренно ненавидеть себя, презирать и опасаться сам себя за недостаточное свое совершенство во зле. Убийца, устранившийся в совести своей убить свидетелей своего преступления, способен презирать себя за такое «малодушие» и даже «каяться» в нем. Преступник, не сумевший скрыть следов своего преступления, может ненавидеть себя за этот промах. Таких нравственно перевернутых людей, ходящих нравственно «вниз головою», змей зла жалит, конечно, уже не «в пяту», а – в самую голову. Мы видим в мире людей, сознательно приучающих и даже принуждающих себя быть неприветливыми, грубыми, каменными и гордыми с другими людьми (даже иногда особенно с домашними своими); боится тогда человек иметь или даже только показать какое-либо уча-

ствие к другому человеку. Развитие этого чувства и его техническая организация – современный концентрационный лагерь.

Особенно трудным становится нравственное состояние человека, когда его душа, словно зараженная апокалиптической «трихиной», включается в какое-либо коллективное зло мира. Тогда люди начинают ненавидеть друг друга и истреблять в силу внешних признаков крови, расы, класса, происхождения или в силу различных изменяющихся в мире идей. В коллективном зле нравственная извращенность имеет больше поводов для самооправдания, хотя самооправдание, психологически, не требует обычно никаких поводов.

Не верящий в мир вечных ценностей и реальностей духа, человек боится быть честным («обеднеешь»), искренним («посмеются»), правдивым («обманут»), добрым («будут эксплуатировать») и т. д. Жизнь скрывается под коркой лицемерия, условности. Все делается двоящимся и полуправдивым. Над душами разливается inferнальный свет не от Солнца – Христа, а от фосфора человеческих мозгов и костей.

Вспоминаются большие ночные воздушные бомбардировки городов. Огромная фосфорическая пустыня мертвого света, нечеловеческих огней, адских звуков и одновременно какой-то тишины, лунного безлюдья... Кто хотя бы раз видел нечто подобное, не забудет этого неживого света от «елок смерти», светящих над обреченным местом земли, блеска оружейных молний в зареве взрывов и пожаров. Таков свет мира, противосветящий Христову; это есть одновременно и суд над миром, экстериоризация его неистинных мыслей, желаний – всех полуправд его жизни.

От многих душ в мире тянутся к небу темные струйки копоти страстей – гордости, алчности, злобы, зависти, вожделения. Эта копоть ежедневного бытия сливается над землей в огромное черное облако. Оно распростерто над человеческой жизнью и историей. От него идет по земле тень страха. Этой тени не видят только бесчувственные люди, опьяненные собою, или люди, объятые Божественной любовью...

III

Главное страдание ушедшего от Бога человека есть *самолюбие*. Безблагодатное страдание рождается в кругу неосиянной Богом любви, *пре-любви*.

1) Любовь к неверной и ничтожной славе своей в мире; 2) любовь к неверным и быстро преходящим ценностям; 3) любовь к телесным наслаждениям и внешнему покою. Эти три пре-любви человеческие, соединяясь в одном круге, откидывают в мир люциферианскую тень страха.

«Душа горделивая есть раба страха; будучи самоуверенной, она боится всякого шороха и даже теней» (Лествица. Сл. 21, гл. 4). «Боязливость есть уклонение от веры в ожидании неожиданностей» (гл. 2). «Хотя все боязливые тщеславны, – говорит прп. Иоанн Лествичник, – однако же не все небоязненные смиренномудры... и разбойники, и гробокопатели не боятся» (гл. 6).

Первую пре-любовь окружает страх бесславия, бесчестия или неполучения от людей желаемой чести. Это боязнь увидеть невнимание к себе, к своим способностям, талантам, совершенствам. В этом состоянии, как пьяницы вина, люди ищут одобрения себе и признания со стороны других людей, даже тех, к которым они совершенно равнодушны. Художник или политический деятель, свысока относящийся к «толпе» (себя из нее выделяющий), в то же время жадно ищет у этой толпы себе признания и поклонения, боясь не найти этого. От мнения других людей человек часто ставит в зависимость свою жизнь. Здесь одна из тяжких цепей общего рабства. Как идола, одни люди постоянно ищут себе от других людей признания, почета, внимания и уважения. Не заботящиеся о славе Божией остро заботятся о своей славе и чести. Различны степени и виды этого общечеловеческого, а лучше сказать, бесчеловечного

вожделения и страхов, с ним связанных. У правителей и политиков они выражаются в одном, у людей искусства в другом. В то время как истинные художники, литераторы и музыканты боятся только солгать в своем искусстве, не выразить его последней правды (таков страх и настоящих ученых), поверхностные деятели искусства боятся только неблагоприятной оценки своих произведений, отсутствия похвал и покупателей. Не поверхностной критики они боятся, а всякой критики, воспринимая ее как намеренное унижение их личности. Опьяненный страстью самолюбия и славолубия становится врагом самому ценному и умному критику. Лишь возвышенное, бескорыстное («аскетическое») отношение к искусству, обращение его на служение Богу и Его правде в мире сохраняет и спасает человеческую личность художника от разложения. Тончайшие ответвления славолубия опускаются глубоко в подсознание человека, особенно находящегося в силу своего дела в наибольшей зависимости от мнения окружающих.

Всегда человек зависит в той или иной степени от жизни других людей; но задача и цель человека в мире состоит как раз в том, чтобы переходить из низшего плана зависимости от людей в высший. Человек призван быть в зависимости не от случайных взглядов, настроений и пристрастий человеческих, а от подлинной судьбы всякого человека, от той глубины его жизненного пути, которая только начинается на земле. На пути своем в вечность всякий человек может быть поддержан и укреплен другим. Здесь наша истинная круговая порука, цепь светлой нашей зависимости друг от друга.

Служение человеку (не его случайным мыслям, желаниям и слабостям) есть самая благородная и высшая форма зависимости от этого человека. Мы никогда не бываем независимыми в мире. Даже самая высшая форма презрения к окружающим, ницшеанская повесть о сверхчеловеке, не появилась бы в мире, если бы не было этих окружающих автора и слушающих...

Зависеть от людей, служа им во всех формах и на всех путях жизни, есть путь подлинной славы человека, славы в Боге и вечности. *«Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу!»* (Пс 113, 9) – вот путь истинной человеческой славы. Чего тогда устрашит человека? Всякое неуважение к себе со стороны других, даже бесчестие, он примет с чистой и кроткой совестью на путях своего посильного и искреннего служения всем. Живя в мире, этот человек свободен от первого, главного соблазна – от любви к ничтожной, неистинной славе.

Искание этой славы змеится на многих устах и во многих глазах человеческих. Вдохновляют себя люди на краткое время земной жизни наркотом этой славы. «Пес, лижущий пилу, услаждается вкусом собственной крови, не понимая всего вреда, который он себе причиняет», – определяет прп. Иоанн Лествичник тот вред, который люди приносят сами себе, воделева неистинной славы в этом мире, забывая настоящую свою славу, приходящую только от Бога. И в области духовной, религиозной человек не освобожден от искушения этой славы и страхов, с нею связанных. Здесь, в области самых высоких ценностей, дух славолубия может приобрести особенно тонкое и неожиданно опасное выражение. Постоянное предупреждение, раздававшееся из уст Господа Иисуса Христа книжникам и фарисеям «садитесь пониже», показывает, что в духовной области не меньше, чем в другой, человек может легко найти пищу своему тщеславному «я» и устрашиться, что ненасытная природа этого «я» останется голодной и бедной. «Трубить пред собою», радоваться собою самим придуманной или миром подаренной славе свойственно не только императорам, маршалам, политикам и художникам. Самая тонкая, по гнилости своей, слава подстерегает служителей Церкви, Божиих слуг, на их путях... Саломия, мать апостолов Иакова и Иоанна, устрашилась, что ее сыновья не получают в Царствии Божиим достаточно высокой (по-земному ею понимаемой) славы. Кланяясь Спасителю, она просила Его дать ее сыновьям место «по правую» и «по левую» Его стону, когда придет Его Царство. *«Не знаете, чего просите»* (Мф 20, 22), – был ответ Спасителя не только ей и Своим ученикам, но и всем людям, боящимся не прославиться пред другими людьми этого мира.

Другая пре-любовь, порождающая демонический страх, есть страсть к богатству, деньгам, имениям, вещам... *«Корень всех зол есть сребролюбие»* (1 Тим 6, 10), иначе сказать, ненасытное вожделение материального. Тут рождается один из самых острых страхов, терзающих человечество. Страх потерять или не приобрести. Они рождаются от убийственных для души чувств скупости и алчности. Скупые страшатся потерять то, что они имеют, – оттого боятся поделиться кратковременным своим имуществом; алчные страшатся не воспользоваться возможностью, случаем и временем обогащения. «Время – деньги» – девиз алчного, написанный на его лице и на стене его конторы. Он не понимает, что не время является деньгами, а деньги являются сконденсированным, кристаллизированным временем, умножаемым в руках человека, для лучшего его посвящения Богу и ближнему. *Через милостьню свою богатый умножает время своих молитв, своего добра, своей верности Богу.* Через любовь материальная ценность становится и духовной ценностью. *Время бесконечно дороже денег,* и деньги имеют ценность лишь для знающего духовную тайну времени. Добро хотело бы все деньги обратить в любовь, умножить чрез это время любви. *А зло хочет все земное время, данное людям для возрастания в Христовой любви, превратить в деньги.* Оттого Промысл так устраивает в мире, что когда денег, не обмененных людьми на добро и любовь, оказывается слишком много, они теряют свою ценность и происходит так называемая девальвация, сокращение денег, и время освобождается для любви. Но люди опять бросаются менять время на деньги, все снова и снова боясь упустить время.

Кружится, бежит, мечется человечество в погоне за деньгами, этими призраками бытия, страшась не поспеть схватить наибольшее количество призраков... Войны в мире ведутся из-за наживы, из-за страха ее упустить или не приобрести. Войны – порождение этого страха. Война есть гораздо более дело страха, чем бесстрашия и мужества. *Причины войн укоренены в метафизическом страхе народов,* от которого они хотят закрыться мужеством войны. Страх настоящей или мнимой опасности так же ведет к пролитию крови, как страх отчаяния пред беспросветностью истории, лишенной света вечности.

Древний золотой телец, принимающий все более жидкую, даже невидимую ныне атомическую форму, устрашает страны и континенты своей немилостью к ним и бросает их друг на друга.

Техника ускоряет производство материальных ценностей, ускоряя и процесс их уничтожения. Змея материального пожирает свой хвост. Хронос неблагоприятного времени, обращаемого лишь в материальные ценности, уничтожает своих детей. Цивилизация, не уравновешенная и не скрепленная высшим смыслом жизни, ведет к гибели человечество, все более усложняет, затрудняет и разоряет свой собственный мир. Не желающее причащаться Тела и Крови Христовой, человечество пожирает свою собственную плоть и пьет свою кровь. Люди боятся истинных пророков, желающих оторвать их от этой автоантропофагии, и призывают к себе ложных пророков и вождей, давая им всю власть над собой.

Богатые боятся обеднеть. Бедные – пропустить удобное время захвата имущества богатых. Если сокровища накоплены, человек боится, не зная, куда их спрятать, – дом может сгореть, земля быть отнята, акции обесцениться, банк обанкротиться, несгораемый ящик – быть взломанным. Нет нигде и ни в чем уверенности. Более того, всюду полная неуверенность или верная гибель... Как раненый зверь, мечется человечество под грохоты своих бомбардировок, в зареве своих пожаров...

Все рушится и пропадает. Дом вещественный и дом душевный, построенные на песке безверия в Божественную жизнь, обращаются в мусор...

«Мое только то, что я отдал» (св. Максим Исповедник) – эта мудрость, открывающая бессмертие, чужда духу мира. Чрез уста своих «пророков» и «мудрецов» мир все говорит и говорит: «Мое только то, что я не отдал, или то, что я взял у другого». И все по-новому в каждом поколении верят люди этой непрестанно опровергаемой каждой смертью человека «истине».

Судорожно прячет человек свой хлам, свой сор, но вырывается у него из рук этот хлам, этот сор и уничтожается. Жизнь исходит пеплом, молью, ржавчиной, гниением, разложением, взрывами, распоряжениями суровых властей.

Получив полное удостоверение в жизненности и правдивости евангельской, многие люди все же не хотят ее видеть. Привыкнув к непрестанной потере всего, они заменяют бывшее свое имущество надеждой на будущее и живут, боясь расстаться с этой надеждой, с призраком призрака. Сребролюбец все продолжает в мире бояться «черного дня» и не страшится черной вечности.

«Боязливых же и неверных... участь в озере, горящем огнем и серою» (Откр 21, 8). Пророчество это, произнесенное любимым учеником Небесной Любви, есть откровение и о современном мире и человеке. Этот мир, с его уничтожаемыми ценностями, войнами и пожарами, есть в сущности «озеро, горящее огнем и серою». И участь боязливых и неверных (боязливых от своей неверности Богу и неверных от боязливости своей) – не иметь выхода из этого озера. Ибо выход из его «огня и серы» дает лишь Сказавший: *«Я – дверь»* (см.: Ин 10, 9)...

Любовь к плоти другого человека и к своей плоти и поставление ее слепых, природных и нижеприродных велений центром своих интересов есть новый океан человеческой бессмысленности, из которого истекают новые реки человеческих страхов.

Любовь к себе и к своему телу в истинном духе и разуме не противоречит любви к Богу и к другому человеку. Мерилом любви к ближнему поставлена любовь человека к самому себе. Но человек утерял дух правильной любви к себе. Мало кто из людей любит себя по-настоящему, как храм Духа Святого. Инстинкт борьбы за свое существование и наивысшее благо присущ не только всему организму человеческого тела, но и каждому из его чувств. Органы обоняния, осязания, зрения, слуха, вкуса – все чувства тела ищут приятного для себя плотского раздражения и опасаются раздражений неприятных. Эти процессы проходят в сознании и в подсознании человека.

Если *«сокровенный сердца человек»* (1 Пет 3, 4) не принял еще в себя Жизни, не загорелся и не согрелся ее огнем, он всегда находится под непрестанным воздействием велений и страхов своей плоти и проникается специфической «плотской» мудростью века сего, духа истины не имеющей. Не соглашающийся жить Христовой верой, по законам Евангелия, человек делается существом более низким и менее чистым, чем любое из животных. Данное для высоких целей умножения земного (и небесного) рода «сынов Божиих» родовое средство обращается у человека неверного в ненасытный очаг ложноострых, а на самом деле тупых и никогда человека не насыщающих переживаний, оставляющих в глубине человеческого сердца осадок, болезненную оскомины, страх и страдание. Утончая свою чувственную плотскую радость в жизни и искусстве, человек думает, что «утончает свою жизнь». Но волна новых страхов и страданий разрушает и обессиливает призрачное его счастье, построенное на плоти. Человек чувственный боится за свое счастье, предчувствуя его мимолетность, и сердце его страдальчески ловит плотское счастье, как воздух – рыба, выброшенная на песок. Бесчисленные болезни, слабости, несовершенства, долгий сравнительно с животными период младенчества, созревания, старости и умирания держат человека все время в русле плотских страхов, ущербности и страданий. Эти страхи, как маяки, призываются вести человека к той истине, что он не только житель земли. В уразумении этого состоит вся печальная наука человечности.

«Как нельзя раз навсегда наполнить чрево, так нельзя и преодолеть боязнь. По мере возрастающего плача удаляется она, а по мере оскудения плача мы делаемся боязливыми», – говорит прп. Иоанн Лествичник, имея в виду, конечно, не плач от страха, а благодатный плач от любви к Богу и молитвенный плач о своей неверности Ему. «Кто стал рабом Господним, тот будет бояться одного своего Владыки, а кто еще не боится Его – часто приходит в страх и от тени своей».

Один из аргументов воинствующего неверия, созданный для опровержения религиозных переживаний, есть произведение религии от примитивных дикарских страхов. По этой теории первобытный человек, пугаясь таинственных явлений природы, начал из чувства самосохранения обоготворять их и поклоняться этим явлениям, как богам; из таких дикарских страхов будто бы и родилась религия, обросшая потом классом жрецов-священников, начавших эксплуатировать религиозное чувство человечества ради своего материального прироста... Данная аргументация не только не объясняет религии, но она не объясняет и страха. Она объясняет только одно из примитивных переживаний человека в связи со страхом. Данное же явление метафизической поработанности примитивного человека страхом свидетельствует не о том, что хочет из него вывести атеистическая теория, а о гораздо более глубоком явлении первобытной жизни человека; о нем была у нас речь в начале нашего исследования. В человеке существует целый ряд, целая клавиатура пнеуматологически различных, между собой не схожих страхов. Начинаясь в сфере низкой, грубой, дисгармонической, душевное переживание, связанное со страхом, растворяется в высочайшей и тончайшей гармонии небесного мира.

О каком страхе, будто бы породившем религию, говорит безбожие? Оно говорит о страхе самом низком и примитивном. Не из этого, конечно, жалкого, тупого и темного страха создались и вышли высочайшие переживания человечества, его чистые, светлые религиозные созерцания, постижения и деяния. Только лжерелигия, как и само безбожие, выходит из темного страха, так же как и из мрачного тупого бесстрашия. Светлая религия, *religio* – связь человека с Творцом – рождается из *высокого, чистого страха Божия* и вводит человека в высшее, светлое бесстрашие.

Беспокойство антирелигиозников пред одной только мыслью о Боге есть явление как раз того демонического страха, которым создавались и одухотворялись все ложные религии, сковывавшие чувства истинной человечности. Да, идолослужение двигалось таким страхом. Но не только темный страх создавал даже языческую религию. В некоторых формах и языческой религиозности можно найти, несомненно, начальные элементы и подлинно религиозного страха.

Страх матери, боящейся разбудить своего ребенка, страх мужа потревожить больную жену, страх человека предать своего друга, изменить своему слову, супружеству, выдать тайну другого, оказаться неверным своим собственным убеждениям – все эти, хотя и не религиозные, но уже этические страхи востекают в религиозное сознание.

Подлинно религиозная жизнь человека всегда была и является подсознательным и сознательным раскрытием в человеке истины его великой недостаточности и неполноты пред Божественным бытием. И религия, прежде всего, есть правдивое, горячее признание необходимости восполнения своей жизни благом высшим и абсолютным.

Сущность и частичная правда всех древних, языческих религий, даже совсем примитивных и пнеуматологически темных, заключается не в их неверной философии, не в их наивных, частью детских и ложных, антропоцентрических и демоноцентрических представлениях о высшем бытии и не в культовых переживаниях, с этими представлениями связанных, но – в обнаружении и утверждении в человеке чувства религиозной метафизической его зависимости от более высокого, лучшего и могущественного бытия.

Развитие религиозного сознания в человечестве можно уподобить постепенному развитию отношений ребенка к азбуке; сначала ребенок ничего не видит в ней, кроме сливающихся темных пятен; потом начинает различать отдельные буквы, постигая и звуковой их смысл; после научается читать целые фразы, понимая их, и наконец в одном акте познания схватывает содержание целой книги, многих книг. Во всех религиозных переживаниях есть одна правда, без которой нет ни религии, ни даже псевдорелигии. Эта правда есть признание высшего мира и своей зависимости от него. В этом первичном смирении человеческой души – начало всех религий. Совершенство же религии зависит только от того, кого и что люди почитают выше

себя, пред кем и чем преклоняются, пред какими истинами благоговейно смиряют свое сердце. Поклонение крокодилу, корове, быку, змее или планетам – не возвышает человека в Царство Божие. И оттого есть религии, которые не возвышают, а метафизически снижают, деградируют, духовно убивают человека... Оттого апостолы и проповедники Евангелия воюют не с неверием только, но и с ложной верой. И уравнивание всех вер и истин есть признак омраченности сознания человеческого.

В религиях, как и в людях, различны бывают степени духовной чистоты и высоты.

Абсолютная религия, апофеоз истины духа, есть вера в Бога воплощенного Христа Иисуса, не ставящая никаких пределов совершенству. *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»* (Мф 5, 48).

Чем выше религия, тем с более высоким страхом она сопряжена. И потому утверждение, что религия порождена страхом дикарей, есть дикарское понимание и религии, и страха.

IV

Духовно истонченная душа способна остро трепетать, приближаясь к высшему миру. Демонический мир ей уже чужд, а ангельский еще не сроден, и близкая к небу душа способна испугаться Ангелов, хотя отличие приближения Ангелов от приближения демонов – именно в отсутствии страхов и нахождении на человека мира, смирения и любви.

«От присутствия невидимого духа приходит в страх тело; от присутствия Ангела душа смиренных радуется», – говорит прп. Иоанн Лествичник. Ангелы вызывают высокий трепет, глубоко отличный по своему духу и последствиям от страха, вызванного демонами. Этот именно страх и можно назвать страхом несоответствия. *«Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя»* (Лк 1, 13), – сказал отцу Предтечи Ангел Господень, когда Захария, увидев его *«по правую сторону жертвенника кадильного... смутился, и страх напал на него»* (Лк 1, 11–12)... *«Не бойся, Мария»* (Лк 1, 30), – сказал Ангел Пречистой Деве, являясь пред Ней. Смиренные и чистые сердцем пастухи *«убоялись страхом великим»* (Лк 2, 9), увидев Ангела, но услышали от него: *«Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям»* (Лк 2, 10).

Дух человеческий по-особому трепещет около мира вышеестественного и по-иному страшится мира противоестественного. «Не бойтесь, это Я», – говорит воскресший Господь Своим близким ученикам, чтоб успокоить их, страшащихся безмерной истины Воскресения.

Приближаясь к последней тайне – страданий и ужасаний Богочеловека, мы должны умолкнуть. Наш ум слишком ничтожен и слишком засорен низшими понятиями, выросшими из неведения, а сердце наше узко любовью. Мы не в силах, даже отвлеченно, коснуться той бездны ужаса, в которую искупительно для мира погрузил Себя, Свои последние часы земной жизни Господь Иисус Христос. Евангелие говорит, что в Гефсиманском саду Он «тосковал и ужасался» (см.: Мк 14, 33)... Его ужас был ужасом нашего отпадения от Небесного Отца и ужасом принятия на Себя нашей оторванности от Отца. Соединенный во всем с волею Отца, Господь пришел принять на Себя и исцелить все человеческие страдания, вышедшие из отпадения человека от Бога. Он взял все страдания человечества прошлых и будущих веков. Вся мука оторванности от Бога – осознанная и неосознанная людьми в мире – вошла в Его безгрешное естество, совершенно во всем соединенное с Отцом, ужас гефсиманский и крестный был не только Его, Иисусовым, ужасом, но и ужасом причисленности к ужасу отпадения от Бога и гибели всех людей, народов и веков... Это был ужас подъятия на Себя *ужаса мира без Бога*, и завершился он в последнем искупительно смертельном миге голгофской разорванности: *«Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставил?!»* (Мф 27, 46). И ныне во Христе принимает всякий человек на себя отблеск этого самого ужасного и самого светлого в истории человечества мига – мучительную боль *не своего греха...*

Страх есть агония отлучаемой или себя от Бога отлучающей души. *Страх есть агония одиночества*. И всегда пребывающему с Отцом надо было пережить непостижимое отлучение от Отца за всех нас, отлучивших себя от Бога – чрез грех. Безгрешный Иисус взял проклятие за грех, тяготевшее на всем человечестве, и уничтожил его, пронеся узкими вратами Своей жизни и смерти. Это проклятие отлученности от Отца, последнее одиночество всего и всех должно было сойти на Единого Безгрешного, вызвав невыразимый ужас Его искупительной муки... Неразделимое, нерассекаемое Богочеловечество нераздираемо раздиралось и нерассекаемо рассекалось в Нем, искупая, восполняя Собою нашу разделенность с Отцом... «*Ранами Его мы исцелились*» (Ис 53, 5).

Оттого всякий страх связан с одиночеством души, с ее сиротливостью, бездомностью и беспомощностью в мире. От оставленности человек страдает больше всего, и ее он мучительнее всего боится. *Страх есть отрицательное выражение одиночества и оставленности. Положительное выражение этого состояния есть вера в Бога и молитва.*

Не верующий в Бога и к Богу не обращающийся не чувствует своей оставленности и не понимает своего ужасного одиночества в мире. Он слишком доверяет реальности всех своих материальных контактов с миром. Ему кажется, что ему более ничего не нужно; он доволен всем, а если и недоволен, то мелко, несущественно. Начало веры в Бога есть пробуждение существенного, метафизического недовольства собою, святого недовольства этою жизнью. «*Не любите мира, ни того, что в мире*» (1 Ин 2, 15) – это есть отрицательно выраженный завет любить уже в этом мире «новое небо и новую землю».

Одиночество дано человеку как высшее духовное общение, спасение от животности и стадности. Но одиночество человека должно быть так же спасено и освящено, как общение. Страх Божий – путь спасения и одиночества.

Избавить его «от страха ночного» просил на своей молитве бесстрашный победитель Голиафа и еще более бесстрашный победитель своего греха Давид; и услышал слова, которые передал всем векам и поколениям людей: «*Не убоишися от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая*» (Пс 90, 5–6). Этот «ночной страх» посещает не только спящих младенцев, но и бодрствующих ночью в пустыне подвижников, ничего, кроме неверности Богу, не боящихся.

«Мужайтесь, – ободрял Спаситель учеников Своих. – Мужайтесь, ибо Я победил мир». Мужайтесь, отгоняя свой страх, не пуская его в свое сердце; мужайтесь и в самом страхе своем, возрастая в терпении, неся мужественно страдание своего страха, как метафизического ожога души. Это страдание может быть тоже *страданием за Христа*.

Страх испытывали и апостолы; они все бежали после предания Господа. «*Тогда все ученики, оставив Его, бежали*» (Мф 26, 56). У Креста с Матерью Господа был только Иоанн. Человеческое воображение, управляемое чувствами, опытными лишь в земной реальности, служит часто страху человеческому. Апостол Петр сделал уже несколько шагов по бушующему морю навстречу своему Учителю, но был побежден своим воображением, построенным на ветхом опыте чувств, и стал тонуть, но был восстановлен в опыте чувств новых, сообразных всемогущей силе его позвавшего.

«Ожог» страха в сердцах людей верующих – признак еще не полной их настроенности на звуки небесного мира, симптом еще существующего в них разлада меж ветхим и новым человеком, разлада, иногда оканчивающегося лишь в преддверии нового мира.

«*Дано мне жало в плоть... чтобы я не превозносился*» (2 Кор 12, 7). Жалом этим в жизни людей, духовно одаренных, бывает и страх. Мучительно стыдно бывает христианину сознавать, что он еще чего-то страшится на земле, кроме своей неверности Господу. Но чрез этот-то смиренный, лекарственный страх он лучше понимает, что все доброе в нем – не от него.

Страх есть и проекция подсудности человека. Радостный, для всякого верного Богу человека, суд Божий есть одновременно и Страшный Суд. Бездонная, невыразимая немощь челове-

ческая трепещет от близости последней невыразимой Божьей правды. Радует и ужасает человека эта правда; радует силой спасительной своей любви, ужасает силой своего крестоношения в этом мире, а также своего совершенства.

«Ей, гряди, Господи Иисусе!» – восклицают ученики Слова. Жажда торжества последней правды сильнее в них страха пред своей немощью, возможностью своего испепеления от встречи с этой правдой. Но и другие звуки входят в гармонию последней богопреданности: «Господи, не готов я... освяти, очисти, укрепи». И это есть апостольское слово: «Отойди *от меня, Господи, ибо я человек грешный*» (см.: Лк 5, 8). Бывают прокаженные, которые простирают руки ко Христу, чтобы исцелиться навеки; и бывают прокаженные, также алчущие Его, но отходящие в сторону от Его путей и только плачущие от радости, что Он – в мире. Они страшатся замарать гноем своим песок под Его ногами. И это есть – любовь! Сквозь радостные слезы смотрят они, как Господь их исцеляет других и принимает в Свою блаженную Церковь таких же измученных жизнью, как они, но они сладко страшатся подойти ко Господу, дохнуть на Него смрадным своим дыханием.

Много мелодий в музыке страха. В момент ухода из этого мира страшно бывает человеку, трудно бывает совлекаться, снимать с себя все здешнее, телесное, мнимо внутреннее, психологическое, все земные одежды души. Страшно обнажаться метафизически – до конца. Трепещет дух, слишком привыкший к своей страннической палатке, к этому своему телу, к плотским мыслям, чувствам и желаниям. Смерть – молниеносное разорение мира и обнищание. Готовился ли человек к этому? Здесь воспламеняется и дикий ужас людей, живших бездумно и бесстрашно, окаменело стоявших в этом мире пред вечностью и ее Солнцем, не заходившим ни днем ни ночью.

Если на земле при смене политических режимов люди так страдают от своей связанности с упавшим режимом и так часто трепещут, предчувствуя близкий над собой суд, – сколько более это происходит при падении всего режима этого мира в жизни человека... Ведь падение это не только предсказано Богом, но и удостоверяется опытом всех земных поколений.

Мы сейчас живем на земле, во всех странах, при старом режиме. Идет, не замедлит прийти новый режим, новый порядок, новая власть – власть абсолютных Божьих законов. Дальновиден поверивший этой истине. Смена может произойти каждое мгновение – ночью, во сне, или днем, на улице... Но лучшая смерть для человека – это, конечно, после подготовки, при ясном сознании умирания всех ценностей этого временного существования и рождения человека в мир духа. Надо заранее сдружиться каждому человеку с теми мудрыми и добрыми властями, которые придут на смену греховным эгоистическим властям этого мира, страстям этой временной жизни.

Слишком связанный со старым режимом этого века, человек оказывается виновником войны против Бога. То, что произошло на наших глазах с побежденными после мировой войны и с их властями, – только *притча* того, что произойдет, когда весь этот мир богопротивления *проиграет войну Богу*.

Глубина личности нашей должна быть в момент смерти выявлена до конца. Все темное и нечистое должно быть нами снято, как негодная одежда. Метафизически обнаженными, нищими до ужаса, уничтоженными до последних пределов, до возможности блаженства только в Боге, должны мы встать пред правдой иного мира... «Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими».

Страхи бывают лишь в Гефсимании, в претории, во дворце Каиафы. Последняя их минута – на Голгофе. После приходит Великая Суббота. Покой от всех страхов. И – воскресение, незаходимый Свет.

Ни с чем не сравнимое блаженство свободы от страха получает верный Богу человек на смертном одре.

Молитвы Церкви открывают великие реальности. В чине «На исход души» от лица отходящего Церковь просит утешения ему. Различны степени покоя, мира духовного отходящих людей. Получивший реальное удостоверение из иного мира о милости Божией к нему, приготовленный покаянием и причастием Святых Тайн к исходу из этого мира, слышащий иногда уже Ангелов, в великой тишине, в бесконечном, возвышенном радовании о Господе вступает умирающий для этой земли человек в страшную и невыразимо прекрасную вечность. Нельзя изобразить, сколь возвышен уход из этого мира очистившегося, оправдавшегося, все страхи перешедшего человека.

Вступившая на порог иного мира душа, подготовившаяся к последнему своему пути, не страшится потери себя и всего – в Боге. С торжественной строгостью и уже ангельским бесстрашием она отстраняет от себя неуместную в эту торжественную минуту плотскую скорбь родственников, проявление их недостаточной любви к Богу и к ней. Она хочет от присутствующих при ее исходе в иной мир только молитвы, безмолвия и благоговения. Стоящая на грани нового, великого мира, она знает, что ничто человеческое уже не должно развлекать или удерживать ее.

Видимое мироздание переживает то, что и каждый человек: смерть и воскресение в вечность.

Господь сказал: *«Люди будут издыхать от страха»* (Лк 21, 26)... По мере оскудения веры, надежды на Бога и любви к Богу люди, общества, народы будут все более и более друг друга страшиться и от этого все меньше и меньше друг друга любить. Из-за *«умножения беззакония во многих охладееет любовь»* (Мф 24, 12).

Но с новой силой откроется тогда в мире и жатва апостолов последних времен. Свободные, усыновленные – «все водимые Духом суть сыны Божии» (см.: Рим 8, 14) – бесстрашные во Христе, готовые к последнему, они будут говорить и уже говорят миру последнюю правду.

Взирая на землю и ее дела глазами своего Учителя, они побеждают страх мира. *«Любовь побеждает страх»* (1 Ин 4, 18). Бесстрашные своей любовью, крепкие любовью Божьей, ученики Слова будут светить миру даже в тот час, когда *«солнце померкнет, и луна не даст света своего»* (Мф 24, 29).

Не кради

Каково должно быть истинное, религиозное отношение к собственности, к имуществу? Следуя слову своего Учителя и Господа, Христовы ученики все в мире считали Божиим, а не своим. Да, кроме нашего зла, которое принадлежит действительно нам, людям, все в мире есть собственность Божия! Тот, Кто сотворил мир, Тот в высшем смысле владеет всем. Верующий не может иначе мыслить. Все в мире – Божье, все – Христово. И человек сам принадлежит не себе, а Богу, предназначен к вечной жизни в Боге. Но человек создан не как робот, а как сын. И призван свободно, сыновне принять волю Божью, найдя в ней высшую жизнь и радость.

Любовь создает общность и единство. Все, что имеет Отец, имеет и сын. Любовь стирает границу между «моим» и «твоим», любовь соединяет людей и их имущество, а злоба, эгоизм и тем более разбойническое насилие все время разрушают в мире любовь и границы между собственностью человека и его личностью. Посягая на собственность человека, посягают на его личность. Эгоизм понуждает человека отнимать чужое и не отдавать своего. А любовь влечет человека беречь чужое и свое отдавать другим. Оттого идея материализма, как чуждая нравственного понимания мира и человека, не может создать настоящей общности между людьми; идея материализма противоположна самой сути духовной настоящей общности людей и углубляет разделение человеческое. Общность создается только через духовную область, область любви, доверия, веры, через дух любви, через живую веру и реальность Божьего и своего высшего бытия. Общность людей неосуществима через идею материализма.

На горе Синай людям был дан Божий закон и дана была заповедь «не кради». Эта заповедь такая же ясная и понятная, как и заповеди «не убивай», «не прелюбодействуй», «почитай отца своего и мать»... Десятой заповедью своей Божественный закон запрещает даже чего-либо желать чужого и завидовать имуществу ближнего. Злом является все, что нарушает любовь к Богу и к человеку. Таким образом, заповедь Божья кладет основы настоящей человеческой культуры и открывает путь к высшей социальности и человечности. Философски говоря, всякая собственность ценна не сама по себе, а лишь как проекция – выражение и отражение – личности человека.

Потому никто из людей и не имеет права самовольно отнимать жизнь или имущество у своего ближнего. Человек имеет право только отдавать свою жизнь и свое имущество другим; отнимать же имущество человек имеет право лишь у самого себя. Образ такого духом высокого человечества Христос показал в притче о милосердном самарянине. Милосердный самарянин своей заботой и жертвенностью спас жизнь израненному разбойниками лежавшему на дороге незнакомому человеку. Если свойства разбойников – отнимать и свободу, и собственность, и жизнь других людей, то свойство истинного человека – помогать другим людям и делиться с ними своим имуществом и своими лучшими душевными чувствами, укрепляя и утешая жизнь окружающих людей. Таков путь настоящей человечности.

И наилучшая социальная возможность проявления высших человеческих чувств и дел создается в том обществе, где каждому человеку представляется возможность, не вредя другим, не унижая, не насилуя никого, свободно проявлять свои таланты на пользу окружающих, своего народа и всего мира. Только на этих принципах может создаваться высшее единство людей, детей единого Отца Небесного, Бога. Создается личность на этих основах: здоровая семья, мирное общество свободных людей и мирное общение народов.

Эгоизм же – во всех его формах – разрушителен. Самый же худший эгоизм – это организованный эгоизм, когда люди специально соединяются друг с другом, чтобы проявлять эгоизм коллективно. Если один эгоист плох, то миллионы объединенных эгоистов будут в миллионы раз хуже и зловреднее. Оттого в правовом обществе ограничиваются законами и умиряются не только отдельные личности, но и целые организованные коллективы людей.

Несправедливость в отношении хотя бы одного человека губительно отражается на всех, потому что человечество есть один организм. Рабовладельческое общество было губительно не только для рабов, но еще более – для самих рабовладельцев. Антирелигиозная мысль неверно говорит о том, что христианство будто бы оправдывало рабовладельчество или господство богатых. Все Священное Писание полно обличением несправедного и немилосердного богатства, эгоизма и хищничества людей. Имущественный достаток человека может быть благословением, только если он сопровождается милосердием и справедливостью. Пророки и апостолы учат человечество высшему братству, высшей общности. Все люди братья в Боге, так как сотворены одним Небесным Отцом, и во Христе, в евангельском духе это братство осуществляется. Христова любовь и милосердие – единственно реальная сила настоящего (не фиктивного) единения людей.

В Первом своем послании апостол Петр говорит верующим людям: *«Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий, почиает на вас... Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или посягающий на чужое»* (1 Пет 4, 14–15).

Конечно, бывали в истории люди, называвшие себя верующими, даже пастырями, которые не были верны Христу, а льстили, угождали богатым, потворствовали сильным и не помогали бедным, не спасали поработанных, но в этом они яро шли против учения Церкви и Христовой веры. Истинные представители Христовой Церкви и веры в истории бывали всегда и служителями евангельской правды.

Русский проповедник XIII века, епископ Серапион, так обличал нравы сильных людей своего времени, говоря им, что они «как зверье... несытством имения поработали, не милостию сирот, не знали человеческого естества...» В рукописи XV века «Измарагд» церковный проповедник обращается к немилосердным богачам, говоря: «Богач! Ты зажег на светильниках Церкви свои свечи. Но вот сюда пришли обидимые тобою рабы, сироты и вдовы с воздыханиями на тебя. Они слезами погасят твою свечу...» Архиепископ Великого Новгорода Ефрем запрещал священникам принимать дары для храма от людей немилосердных, которые «налагают работу не по силе... морят голодом, томят наготово...» Исторические памятники говорят об истинных пастырях всякого времени: «Должникам освобождение подавал и сам отпускал долги, обидимым от насилующих и немилостивых судей заступник был».

Пророки, апостолы, пастыри, ученики Христовы во всех народах, следуя слову своего Учителя и Господа, возвещают духовную, то есть самую глубокую, революцию человечества. Ведь какие бы социальные реформы ни совершались и какие революции ни производились бы в мире, они ни к чему счастливому не приведут человечество, если сам человек будет оставаться эгоистом и в нем не будет совершаться духовный процесс борьбы за добро, за правду и любовь, – то есть та истинная революция мира, революция истины и любви, правды и добра, которую принес на землю Свет мира – Христос и по вере человека совершает ее в человеке.

Психология обиды

Все мы знаем, что такое обида, потому что обижали и обижались. Сами того не сознавая, всякий обижающий и всякий обижающийся ранят себя, так как лишают себя солнца любви. Обидчик ранит не только свою душу, но и тело: злые эмоции рождают в человеке болезненное напряжение тела, что отражается на его физическом обмене веществ и нарушает жизнь. Обидчик обижает прежде всего себя. Но и обижающийся поступает неразумно, сам себя ранит. Надо себя закрывать светлым щитом от обид, не обращать на них внимания. А что еще выше, это противопоставить обиде – любовь, кротость, великодушие. «*Научитесь от Меня, – сказал Христос Спаситель, – ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*» (Мф 11, 29). Вот простая дорога к счастью, о котором часто думает человек, не зная путей к нему.

Обида может быть бессознательной. Нанесение обиды идет от гордости, желающей унижить человека, от мстительности, злобы. Обижают люди и от алчности, зависти, тщеславия, эгоизма и – просто от душевной нечуткости и нравственной невнимательности.

Предприниматель (индивидуальный или коллективный, как государство, партия) обижает людей наиболее беззастенчиво, эксплуатируя их не только экономически, но и нравственно. Эксплуатация есть многоликая форма несправедливости. История человечества полна этим грехом до наших времен. Но сейчас не феодальные бароны и не только денежные мешки эксплуатируют бедняков – сами эти бывшие бедняки, ставшие администраторами, партийцами, представителями пролетариата, жестоко эксплуатируют бедняков (колхозных крестьян, рабочих), прикрывая, однако, эту эксплуатацию очень лестными для себя, но пустыми словами.

Эксплуатация ближнего может и не быть выражением каких-либо лично неприязненных чувств; она бывает нравственным бесчувствием, исканием выгоды личной, партийной, государственной. Высокими мотивами пытаются оправдывать эксплуатацию – материальную и духовную – в наши дни. Целью революции для блага всех оправдываются великие обиды людям. Гуманными фразами оперируют бездушные планировщики, не видящие живого человека. Смертельно обиден для человека и человечества утилитарный материалистический подход к бессмертной человеческой душе.

Но чувства справедливости и сострадания могут рождаться и в материалисте, вопреки его материалистической теории. Как человек, материалист может быть нравственно чутким. И бывает, что сердце верующего в Бога (вопреки духу этой веры) наполняется алчностью, бессердечностью. Как у материалиста неверие может быть лишь на кончике его языка, так и вера в Бога бывает иногда лишь на кончике языка у верующего человека. (Вера в Бога – не теоретическая декларация.)

В наши дни люди обижают даже веру в Бога (принуждая писать великое святое имя Бог с маленькой буквы). Но Бога человек еще менее может обидеть, чем созвездие Ориона или Лебеда. Неверующие наносят обиду только своей жизни.

Человека обижает человек своей злой (или недостаточно доброй) волей. И все эти бесчисленные «молекулярные» в мире обиды, все наше личное и общее зло рождают в мире те черные гроззовые тучи конфликтов, войн и душегубства, от которых содрогается человечество. И может быть истреблено.

Раньше в истории во имя веры в Бога цари и вожди народов обижали неверующих людей (или не так верующих, как они сами). Теперь в целом ряде стран неверующие обижают верующих.

Сказано человеку: «*Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай*» (Мк 10, 19).

Но если обида случилась, ей надо противопоставить необидчивость. В преодоление зла входит и преодоление обидчивости. Мы, люди, так легко друг друга обижаем. И еще легче – обижаемся. Даже если нас никто не обижает, мы и тогда обижаемся. Нам иногда хочется почувствовать себя обиженными, и в этом проявляется дурная человеческая инфантильность. Ребенок иногда хочет зарыдать не потому, что его обидела мать, а потому, что ему вдруг сладко захотелось почувствовать себя (и, главное, показать себя!) обиженным. Это незрелость души.

Активный эгоист обижает, пассивный обижается. Обиды активных и обидчивость пассивных эгоистов очень мешают жизни. И выход из этих состояний только один – к свободе духа: никого не обижать и ни на кого не обижаться.

Признак любви

Один из признаков любви – не раздражаться. Кто может, действительно, себе представить мать, раздражающуюся на своего грудного ребенка? Матери дается чувство особой любви, когда ее ребенок беспомощен. Но сколько есть матерей, которые и потом, когда дети их вырастут, тоже не раздражаются на них. В доброте, покрывающей человеческую слабость, является более всего образ Божий в человеке. Конечно, и гнев против зла (а не человека) может быть святым; но это есть нечто совсем другое, чем эгоистическое раздражение людей друг против друга, которое так отяжеляет жизнь, – и тех, на кого раздражаются, и тех, кто раздражается. Священное Писание дает совет: *«Гневайтесь, и не согрешайте»* (Пс 4, 5). Иначе сказать: люди, гневайтесь только на зло, а не на страдающего от своего зла человека. *«Любящие Господа, ненавидьте зло»* (Пс 96, 10).

Гнев на зло (особенно – на свое зло!) может вылечить от зла, если этот гнев исходит из любви. Но беда в том, что темная гневливость, раздражительность, как паутина, висит в мире над народами, семьями и сердцами. И эта раздражительность человеческая, иногда вызванная пустяком, отравляет жизнь.

Верно сказал один человек: «Сварливость, вечные жалобы на судьбу и знакомых это, пожалуй, еще хуже, так как недостатки эти продолжительные... Лучше уж вспыльчивость: вспылит, наговорит и – потом отошел. Но как трудны обидчивые люди; они злопамятны. Обидчивого человека все раздражает. Если он даже получит желаемое, то (так как в глубине души ему совестно) он ищет нового предлога – вспылить. Всего печальнее, что от нашей раздражительности и вспыльчивости страдают особенно те, кто нас больше всех любит и больше всех для нас делает. Какие несправедливые, злые замечания приходится иногда самым близким нашим выслушивать от нас! И мы это себе позволяем, зная, что они-то не рассердятся; если же и посердятся, то простят и не порвут с нами отношений, так как любят нас...»

В основе вспыльчивости и раздражительности лежат злоба, ненависть, гордость, жестокость и несправедливость. Болото легко превращается в бушующий океан. От одной спички может сгореть город. От одной будто бы безобидной страстишки загорается душа и в муках сгорает. Какой нужен самоконтроль людям, какая трезвость и осторожность. Ни один порок – ни пристрастие к деньгам, ни страсть к удовольствиям, даже вино (губитель многих) – так не губит добрый дух семьи, как раздражительный и несдержанный человек. Он расстраивает общественную работу, отравляет жизнь детей и семьи. В обществе мы еще стесняемся по самолюбию проявлять свою душевную низость, мы ищем доброго в обществе о себе мнения. Но дома, при своих, мы распоясываемся, даем волю своему внутреннему злу... *«Человек гневливый заводит ссору, и вспыльчивый много грешит»*, – говорит Соломон в Притчах (29, 22).

Человек бывает так низок и мелкотравчат, что обижается даже на Самого Господа Бога, великого своего Творца! Человек ропщет на Им данную жизнь... Разве вы никогда не роптали на погоду – почему она не такая, как хотелось бы вам? Разве вы никогда не жаловались на свое положение в жизни, на свои обстоятельства? Разве вы никогда не тяготились путем, по которому промыслительно вела и ведет вас рука Господня?

Есть в душе человеческой великое средство для преодоления самолюбия, вспыльчивости и раздражительности. Это – благоговейная вера в близость Божью. *«Господь близ»* (Флп 4, 5). Над человеком распростерта любовь. Только ее надо уметь увидеть внутренними глазами. Это и есть вера. Нам не всегда понятны исцеляющие пути любви. Но поверив в эту любовь над собой и миром, человек видит духовными глазами жизнь в свете высшего ее назначения. То, что раньше казалось непонятным, предстает человеческой светлой вере как нечто необходимое и важное. Так зреет мудрость в душе и открывается вечность.

Свобода наша есть не только свободное высказывание всего, что мы думаем, и не только возможность делать то, что мы хотим. Самая глубокая свобода наша есть свобода от зла, которым мы мучаем себя и других. К этому состоянию свободы духа в добре и ведет нас путь веры. *Вера есть вхождение в высшую реальность.*

О милосердии над миром

Был человек, желавший – как многие – *оправдать себя*. Он спросил у Христа Иисуса: «Кто мой ближний?» И Спаситель рассказал ему притчу.

Шел странник из Иерусалима в Иерихон и был схвачен разбойниками. Они сняли с него одежду – вероятно, единственное его достояние – и, избив, оставили на дороге (см.: Лк 10, 30).

Вслед за этим бесчеловечьем следует другое, может быть, еще худшее: идущие той же дорогой люди равнодушно проходят мимо этого лежащего, истекающего кровью человека. «Прошел мимо» священник. Левит поступил еще хуже: «подошел, посмотрел», полюбопытствовал, как страдает и умирает человек, и пошел своей дорогой (см.: Лк 10, 31–32). В лице этих двух людей мимо израненного человека прошло как бы все несострадательное человечество. Одна половина этого человечества ранила его и бросила умирать на дороге, другая проходит равнодушно мимо его страданий.

Иоанн Златоуст справедливо сказал: «Богатые и сытые, равнодушно вззирающие на голодных и нищих и не помогающие им, равны убийцам». Конечно, равны преступникам и те, которые, имея возможность помочь хотя бы одной жертве преступлений этого мира, проходят мимо человеческих страданий, занятые одним своим благополучием.

В простых словах Христос, знающий сердца людей, открывает всю глубину мрака, стившегося над человечеством, и показывает главный грех всех времен и народов: *немилосердие*. И когда, вникая в эту истину, мы начинаем ужасаться кромешной тьме нравственного человеческого сознания, тихая небесная заря – милосердие – восходит над землей. И за нею видно само Солнце Божественной любви – Христос.

Проезжал тем же путем около Иерихона самарянин некто и, увидев на дороге окровавленного человека, *сжалился* над ним (см.: Лк 10, 33). Вот все, что произошло: *сжалился* над ним. Все другое было только следствием этого: один человек *сжалился* над другим человеком. Свершилось близкое ко всем чудо, через которое самый грешный и слабый человек делается участником Божественной силы, правды и славы.

Жалость двигает больше, чем каменными горами, – она двигает каменными сердцами. «Истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: *поднимись и ввергнись в море*, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что *сбудется по словам его*, – *будет ему, что ни скажет*» (Мк 11, 23). Это слова Христа. Жалость в мире есть чудо. Каменные горы передвигать с их места никому не надо. Истинное чудо есть жалость. Бог хочет этого чуда – жалости одного человека к другому. Тут сила высшей жизни.

Истинное милосердие всегда просто и деятельно. Оно есть воля, готовая на всякий труд, сердце, соглашающееся перенести всякую скорбь ради любви.

Истинное милосердие деловито. Оно соединяет в себе небо и землю и помогает не только в чувствах и намерениях, но – сейчас же, тут, на этой сухой, пыльной земле меж Иерусалимом и Иерихоном.

Таковым именно было милосердие самарянина, о котором рассказал миру Христос. Продуманная заботливость его показывает глубину его жалости. Подойдя к лежащему на дороге раненому, он тотчас «перевязал ему раны», смягчив их маслом, промыв вином, и, «посадив его на осла, привез в гостиницу и позаботился о нем» (см. Лк 10, 34). Так говорит Евангелие.

После этого милосердный самарянин мог бы уехать с чистой совестью. Но нет – «на другой день, отъезжая, *вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем*» (Лк 10, 35). Казалось бы, теперь уже все сделано им. Но совесть этого человека продолжает быть неудовлетворенной, он обращается к хозяину гостиницы и говорит ему: «*И если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе*» (Лк 10, 35). Какое излучение истинной человечности!

Ведь все могут поступать *так же* (см.: Лк 10, 37). Много и сейчас в мире около нас людей, израненных грехом, оскорбленных злом этого мира, лежащих и страдающих на разных дорогах. И можно помочь им.

Я вижу эту небольшую каменную гостиницу милосердного самарянина на дороге меж Иерусалимом и Иерихоном. Это малый дом, в нем никто не обитает, но его знают все паломники Святой Земли. Дорога пустынная вьется среди гор, спускаясь к Иерихону. Вокруг – мертвые горы. Это сердца. Кого? Древних? Современных людей? Это наши каменные человеческие сердца, Господи. И они алчут воды Твоей милости и готовы ответить на воду Твою цветами и травами.

Малый дом лежит близ дороги. Приходят сюда люди всех стран и народов и *видят* эту притчу, которую слышат от Христа. И слово пустынной дороги, мертвых каменных гор, и этот малый дом, говорящий народам о милосердии, – все остается как Божественный зов среди мира к *человечности человека*, к любви и жалости.

Что такое культура?

Культура... культурные отношения, ценности культуры... Что такое *культура*? Самое краткое определение этого слова: любовь к человеку. Когда мы говорим про человека «он – культурный», – мы этим хотим выразить целостность и гармоничность его духовного облика.

Конечно, мы иногда ошибаемся, совершенно неверно прилагаем слово «культура» к жизни, к тому или другому человеку; принимаем за гармоничность только ее подобие или даже иллюзию. Не всегда бывают глубоки наши оценки и критерии. Но мир замыслен как любовь, и гармония достигается только через любовь. И каждому человеку дана возможность выразить в мире любовь. Осуществление ее есть цель жизни и истории... Каждому из нас дан талант любви, и из множества наших отдельных жизней складывается общий облик того или иного народа и всего человечества. Каждый человек ответствен прежде всего за свою жизнь. Себя, свою душу он должен возделывать, как сад.

Инженер, врач, земледелец, ученый, политик, общественный деятель, рабочий, кладущий кирпичи, садовник, прививающий плодородное дерево, поэт, утешающий человека, музыкант, выискивающий новую гармонию, – все это пчелы, работающие в одном огромном улье-мире; они летают по разным цветам, но сладость достижений их идет в общий дом.

Мы, люди, призваны наполнить мир благоуханным садом добрых творческих мыслей и чувств, сладких для всех, а не разъедающим дымом эгоизма, ненависти и зла. В этом высшее осуществление цели жизни нас всех – Царство Божие.

Каждый из нас, людей (кто бы ни были мы и где бы мы ни жили, к каким бы странам мы ни принадлежали), свободен пребывать отъединенным от других людей, безлюбным, замкнутым лишь в одни свои эгоистические интересы или же осознать смысл жизни как радость общего всечеловеческого достоинства и совместного достижения целей высшего бытия.

Культура есть труд человеческий, движимый любовью. Не принудительный труд, который есть проклятие, но труд свободный, который есть благословение. Бессмысленны и бесплодны попытки строить жизнь только на материалистических идеях и интересах. Да и никакая идея не может быть материалистической, она всегда будет духовной, только направление ее может быть – к истине или ко лжи. Человек, одетый в одежду только одной внешней технической цивилизации, человек без духовных ценностей и запросов похож на мертвеца. В нем нет самого главного: *духа жизни*. Отрицающая Живого Бога и шипящая ненавистью к человеку не такому, как мы сами, материалистическая лжекультура хочет покрыть, как лава, цветущую землю. И жизнь камнеет там, где ее покрывает эта черная лава утилитаристического, материалистического мировоззрения. Серо, душно, бедно в мире, где есть только игра материальных интересов человеческих, но нет культуры духа и культуры любви. В борьбе за материальную ценность человек умеет добывать свое право, но не всегда находит в этом праве свою настоящую, радостную жизнь.

Есть библейский образ, полный глубокого, мирового смысла: люди строят башню до небес. Они уверены, что «достигнут неба», то есть своего человеческого счастья, «создав себе имя» чрез постройку материальной башни. «Вот построим башню и будем счастливы», – думают эти люди. Жалкая мысль! Разве какое-либо количество кирпичей или машин может сделать людей лучшими, более мудрыми, добрыми и близкими друг ко другу, более способными понять и найти свое счастье? Одержимые материальным строительством, видя только в нем цель своей жизни, люди все строят и строят. Сменяются поколения, башня человеческая все строится, а земля все более заливается кровью братьев. Никакое количество этажей материальной цивилизации не может без внутреннего подвига и усилия человеческой души и без благословения Божиего перейти в нравственное качество жизни. Люди не могут из царства необходимости материальной, в которой они живут, сразу перейти, по Марксу, в «царство сво-

боды». Это все утопия, мираж, соблазн, горький последствиями. Имеет жизнь и бытие лишь то, на чем лежит Божье благословение.

Грозно открывается в мире внутренняя разделенность людей, объединенных только материей и материализмом.

Не приведут человечество к счастью те, которые отрицают основу жизни, Духа Божия, и строят свою культуру лишь на материальных ценностях и материалистических идеях. Единство материалистов призрачно. Даже скованное цепями самого сурового принуждения, оно может каждую минуту разорваться и обратиться в жестокий разброд и разлад, даже в звериную борьбу.

Глубоко чувствовал культуру духа как культуру веры и любви Достоевский. Не материализм, раскалывающий человечество и похищающий у человека душу, а культура духовных ценностей каждого народа входит в истинную культуру всего человечества.

Стремясь к последней Христовой правде мира, американец открывает путь к американской культуре, как и русский человек – к русской культуре.

Истинная культура есть связь человека с Творцом и со всем миром. И эта связь называется религией. Эта связь с высшим миром бытия, истины и любви должна пройти через все отношения людей и народов. Войти в рояль музыканта, в лабораторию ученого, в тетрадь писателя, в интуицию врача, в руку сеятеля, сеющего на земле хлеб... По холодной проволоке материальных отношений мира должно пробежать тепло жизни. По жилам человечества должна пробежать кровь, соединяющая людей в высшее единство, все оживляющая и все отдающая единому Сердцу – Иисусу Христу.

По культуре добра и духа томится всякое человеческое, и русское, сердце. Напрасно пытаются осуществлять культуру насилием и ненавистью. Она есть дочь любви и свободы.

Озарим свой внутренний мир

Неверие не колеблет глубокой, торжественной и радостной веры в Бога. Человек может, конечно, бросить своей пылью, своей грязью в высокое, чистое небо. Это в его власти и свободе. Но пыль до неба *не долетит*, грязь, брошенная им, очень скоро упадет на него самого и покроет его.

За несколько столетий до Рождества Христова пророк Иеремия говорил от Божьего имени людям, делающим в мире зло: «*Я изолью на них зло их*» (Иер 14, 16). Каждый человек пожинает и пожнет в вечности плоды своей собственной воли: высшее благо или мучительную душевную темноту, тесноту и пустоту.

Мы не «верим» только... Мы *духовно* уже видим (как видим солнце), что Хозяин мира есть Бог и Он есть духовное Солнце всей жизни. Если бы не было Его, не было бы ничего. Без вечности и бессмертия все, что в мире, – ни к чему и незачем. С Богом – все осмысленно, получает свой смысл и свою цель. Все трудности, все труды и страдания человека озаряются смыслом, и сама смерть несет в себе свет вечного бытия.

Но как прийти к Богу, как выяснить Его волю? Несомненно, человеку дано начало жизни и разума для этой цели: человек призван через свое бытие познавать более и более своего Небесного Отца и жизнь свою соединять с Ним и входить все более и более в гармонию Божьего Духа, обнимающего все творение. Человек *может*, но не своими низшими чувствами, а верою и духом *видеть* Бога, слышать истину Его бытия и Его воли внутренним слухом, постигать, понимать, любить Отца Небесного своего. *Это* именно положено главным смыслом его жизни. Человек призван любить Бога и служить любви и истине Божией среди всех современных проходящих явлений, испытаний, экзаменов земли, готовя себя к высшей эре бытия. «*Верный в малом и во многом верен* [будет]» (Лк 16, 10). Это поставлено задачей и смыслом земной жизни человека. К выяснению этой задачи направлено все евангельское учение о жизни как служении человека Богу и другому человеку в правде Божией.

Чтобы познать Бога, надо, в сущности, только одно: *сделаться человеком*. Истинный человек всегда видит умом и сердцем Бога, слышит Его слово – и в природе мира, и в своей совести, и в ослепительно открывшейся истине Евангелия. Еще Феофил Антиохийский говорил язычнику Аутолику: «Если ты скажешь: “покажи мне твоего Бога”, то я тебе отвечу: “покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога. Покажи, что очи души твоей видят...”» Когда на зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое; так и человек, когда в нем есть грех, не может созерцать Бога (Ad Autolic, libr. 1, 2). Иустин Философ так отвечает на вопрос, может ли ум человека когда-либо увидеть Бога: «Платон говорит, что таково око ума, и оно дано нам для того, чтобы мы могли посредством него, когда оно чисто, созерцать то истинно сущее, которое есть источник всего постигаемого умом... есть единое прекрасное и благое, внезапно появляющееся в благородных душах по причине их сродства и желания видеть Его».

Чистый язык истины мы слышим в словах Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Человеческого. Кто хочет услышать Бога, тому надо лишь открыть свое сердце перед словом Иисусовым и вникнуть в него без лукавства и недоверия. Там явлено и открыто все, что человеку надо знать о Боге и о себе, человеке.

Вникание в Евангелие, проверка себя, своей совести его светом и молитва просвещают малый человеческий разум и открывают в человеке высший разум, который обычно бывает в человеке закрыт, засыпан мелким практическим рассудком. Истина Христова освобождает человека от зла и неведения, очищает и воспитывает внутреннюю глубину в человеке, его сердце, дух... Кто *хочет* познать истину, тот, прежде всего, должен начать познавать в себе того человека, который в силах ее познать.

О рае и кресте

Крест не есть только страдание, но и возвышение над страданием. Одним страданием можно назвать крест разбойника, распятого по левую сторону Спасителя и роптавшего на свою муку, отвергнувшего исцеляющую силу Христовых страданий. Но для правого разбойника, кротко отдавшего себя силе и правде невинных страданий Христовых, крест стал началом рая... *«Ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк 23, 43), – сказал Спаситель висевшему рядом с Ним правому разбойнику. Это значит – после исхода из этой земной страдальческой жизни. Но из этой жизни уверовавший разбойник начал выходить уже в самую минуту своего уверования. Эта великая для него минута страданий стала уже началом его блаженства. Рай уже вселился в него в эту минуту его пребывания с Господом, рай коснулся его сердца.

Те, кто знает, что такое страдание за веру, за любовь, правду и чистоту, те понимают, что их рай на земле – в кресте. Их страдание не состояние, но путь к настоящей жизни, ее полноте, чистоте и блаженству. Страдание – не дом, где надо жить, но дорога к настоящему дому, где вся полнота и радость жизни. Нет этой полноты ни в чем на земле! Мир земной есть дорога, а не жилище. Человечество не найдет себе в этом мире рая – без креста. То, о чем мечтают ложные материалистические учителя человеческие, невозможно. Человек никогда не построит себе вечно радостного дома в мире, где царствуют грех, болезнь и смерть. Человек всегда будет бездомен в этом мире. И это благо. Страдание его кратко, а радость может быть вечной. И никакой человек не воплотит до конца идеала своей Родины на этой земле, потому что высшая и вечная Родина каждого человека есть мир правды Христовой.

Крест есть сила Божия и власть, данная человеку на путях к Богу. Крест в этом мире есть, конечно, и страдание, потому что он есть смерть для греха и смерть для смерти, а человек соединил себя с грехом. Отрываясь от греха, он страдает, но это есть страдание освобождения. Мать страдает, рождая жизнь, и человеческий дух страдает, рождая вечную жизнь.

Мы знаем из Евангелия, что для левого голгофского разбойника, роптавшего на жизнь, крест оказался только орудием страданий. Для другого же, правого, уверовавшего разбойника, крест стал дверью в высшую жизнь и радость. *«Ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк 23, 43), – услышал он, и начался уже для него рай в том, что он увидел рядом с собой Сына Божиего, имеющего ключи вечности. Рай – в вере, рай – в надежде, в возвышении духа над страданием.

Да, рай начинается уже в этом мире. Все ученики Господа всех времен и народов свидетельствуют, что рай для человека, устремленного к небесной правде, начинается уже здесь, на земле.

Земля, где принял страдание Сын Человеческий, есть место наших страданий потому, что причина страдания – грех. Крест же есть горькое лекарство от страданий. Крест есть спасение от греха, искупление вызванных грехом страданий. На непросветленное страдание человеческое накладывается святое страдание Христово. На страдание безвыходности человеческой накладывается страдание крестное, вся трудность борьбы с грехом и злом в мире, неподчинения злу, победы над грехом.

Кто горит страданием зла – нечистой страсти, ревности, темного гнева, гордости, кто мучительно ищет себе суетной славы в мире или призрачного богатства, пусть примет очистительную силу страданий чистой любви, искания богатства духа, Божьей милости и Божьей славы. Крест есть начало рая и страдание спасения от страданий.

Не напрасно говорят, что древо Креста Христова было поставлено на том самом месте, где росло райское древо жизни. Древо жизни, данное Творцом людям в раю, после падения обратилось в Крест Божий и человеческий на земле. Оно не исчезло, это сладкое древо райское, древо беспредельного доверия Бога к человеку и великой радости человека в Боге. Оно только изменилось, и где бы ни поставили мы, люди, крест, – мы всюду видим райское древо.

Крест не умерщвляет человеческих чувств, он их возвышает и очищает. Сила взятого креста выявляет и спасает истинную жизнь. В то время как грех истребляет человеческую красоту чувств, глубину мыслей и желаний, крест приводит к гармонии человеческие чувства и расширяет до безмерности человеческое сердце. Все входит в любовь сердца, открытого страданиям креста.

Как бы расширилось, очистилось, как бы познало себя бедное человеческое сердце без страданий? Как бы освободились наши человеческие чувства и нашли свою чистую и вечную радость, если бы не проходили через страдание креста? В какую глубину бытия мог бы погрузиться легкомысленный, эгоистичный человек, если бы не дал Господь крестных усилий для его воли и духа?

Крест есть лестница, поставленная на земле к раю. Нижний ее край стоит на земле страданий – верхний покоится в тверди небесного блаженства. «Принять крест» – это принять покорность Богу, исполнение заповедей Христовых, терпение святого устремления.

Слово Господне говорит, что в горькие воды Мерры Моисей бросил кусок дерева, и вода сделалась сладкой, удобной для питья. Так в прогорклую, отравленную смертью жизнь поставлен крест. Две части его означают: продольная – жизнь Бога в человеке; поперечная – жизнь человека в Боге. Для всякого, кто с верой взирает на эту тайну, открывается начало жизни вечной со Христом и во Христе. *Со Христом* – во всех внешних делах жизни с Ним: в посещении больных, заключенных, в помощи бедным, в поддержке одиноких и утешении огорченных... *Во Христе* – это значит внутренним путем верности сердца Богу.

Ищите добра

«Братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал зло за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем» (1 Фес 5, 14–15). Так говорит в последней главе своего Первого послания к Фессалоникийцам апостол Павел. Ясны слова эти, просты, немногосложны, но сколько в них света, сколько добра и правды.

Трудно живется нам, людям, от нашего зла человеческого и от следствий его. Человек страдает прежде всего от того зла, которое живет в нем самом, а потом и от того зла, которое живет в других людях. Зло, как снежный ком, увеличивается, если ему не противопоставлять добра, если его не растапливать лучами добра и милосердия. И в других людях, и в себе самих мы побеждаем холодное, темное зло только сияющим, согревающим Христовым добром. Это Христово добро может быть иногда гневным, святонегодующим, обличающим зло, – оно и должно быть иногда таким огненным, но оно никогда не будет нести зла под маской добра. Таково свойство того состояния духовного, о котором говорит апостол. Нам нужно прежде всего блюсти свою душу и хранить ее в мирном духе, и если мы уже этого достигли, будем помогать душе другого человека быть в добре.

Чтоб излечить другую душу человеческую, нам надо знать на своей душе действие того средства лекарственного, которое мы предлагаем. Лекарство Христовой правды, Христова добра испытано уже в веках, в двух тысячелетиях, испытано на всех характерах и во всех народах мира. Это дивное лекарство имеет необычайную силу, если его принять «внутри», ввести в сердце свое и в ум свой. Вот одна из драгоценных капель этого лекарства: *«Братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал зло за зло, но всегда ищите добра и друг другу и всем»* (1 Фес 5, 14–15).

Некоторые, желая оправдать таящееся в них зло, ссылаются на свой характер. Но характер формируется и складывается от свободных человеческих реакций на окружающий мир. Делаящий добро другим людям приобретает прекрасный характер, и это есть лучшая его награда уже в этом мире. А в будущем мире он будет одного духа с Самим Богом и с мириадами существ спасенного в Боге творения. Делаящий же зло и потакающий злу других приобретает ужасный характер и становится бичом и несчастьем для окружающих и для своей семьи, для своего народа.

«Лиха беда начало» – говорит русская пословица. Стоит лишь начать оправдывать в себе проявление и вспышки зла, как развращение души пойдет само собою и последует ее гибель.

Нравственный характер взрослого человека – это то, что человек *сотворил и творит сам с собой*. Душа – земля. Человек – земледелец своей души. Если в земле душевной сеется слово Божие, слово правды и любви Христовой, то плод бывает сладкий, радостный для самого человека и его окружающих. Если же человек сеет в душе своей плевелы зла, то вырастут сорные, ядовитые травы духа, которые будут мучить и самого человека, и других людей.

Душу еще можно уподобить глине, человека же – скульптору. Скульптор лепит из глины образ человеческий. Так сам человек лепит из своих душевных качеств и способностей или образ человеческий, или звериный.

Делая какое-либо зло, человек не только впрыскивает в свое сердце смертельный яд, но и брызжет этим ядом на других людей, иногда на самых близких. Но при посторонних людях человек обычно неохотно показывает себя с дурной стороны; дорожа мнением о нем других, он хочет, чтобы о нем все всегда думали хорошо. В привычной же домашней обстановке он являет свой настоящий лик и мучает своих близких. Скрытое зло или явное – остается всегда злом, и человеку надо от него избавиться как можно скорее. Как? Прежде всего через *осо-*

знание высшего смысла своей земной жизни, ее великого бессмертия в Боге и ее краткости на земле, чрез познание Евангелия и Иисуса Христа; чрез обращение к Его правде. Христос открывает настоящее и вечное спасение людям. И благодатью Своей вводит в это спасение. «Я свет миру, – говорит Он. – Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8, 12). Если будем ходить в этом свете, то станем сынами света; темное зло потеряет над нами свою власть, и мы перейдем от «власти тьмы... в Царство возлюбленного Сына» Божия Иисуса Христа (см.: Кол 1, 13). И будем светильниками, озаряющими ночь скорби и в жизни других людей. Мы будем во Христе утешением для печальных и исцелением для израненных злом мира.

Путь к Богу

Человек стоит перед Богом *всю* свою *жизнь*, хочет он этого или не хочет. Солнце не спрашивает о нашем отношении к нему – оно светит и сияет, целит и животворит. И человек открывается все время и откроется до конца Богу во всех своих делах, чувствах и мыслях и получит от Бога в вечном мире то *духовное место*, которое будет правдиво соответствовать внутреннему *нравственному* состоянию его духа. Каждый пойдет «в место свое».

И даже здесь, на этой шумливой, суетливой земле, от голоса чистого, правдивого, в совети звучащего, нелегко человеку скрыться. Надо много сотворить безумств, чтобы заглушить в себе все нравственно чуткое, что живет в каждом человеке, и сжечь до конца свою совесть, не чувствовать уже ее томлений от совершаемого зла.

Ведь иногда «неверующими» считают себя люди совсем ложно. Им внушили или они сами усвоили себе *неверное*, узкое понятие о Боге. Неверующие иногда не против Бога, в сущности, настроены (они Бога не знают), а против своего же собственного узкого, неверного о Боге представления. И эти люди подчас совершенно искренне и почти религиозно восстают против неумного понятия своего о Боге. Эти души способны быстро обрести веру, найти то, чего всегда, в сущности, жаждала их душа.

Всякий ли человек способен уверовать в Бога, *прийти душою* к Богу? Да, всякий, безусловно. Все позваны на пир Отца. «Много званых»... Много. *Все званы*, кто родился в мире. И Дух Божий уже действует в человеке, когда человек ищет в мире не партийную, не классовую, не расовую и не какую-нибудь иную временную и ограниченную правду, но ищет правду абсолютную, общечеловеческую, вечную.

Неверие как отказ от легкомысленной, несерьезной веры может быть естественным *этапом* истинной *веры* в душе человека.

Но неверие как результат скверной, эгоистической жизни или как желание дать себе оправдание такой *нехорошей жизни* есть уже неверие заинтересованное, нечестное. В таком неверии душа просто скрывается от Бога, убегает от высшего, нравственного суда над собой. Но куда бежать от этого суда? Он так же не минует человека, как не минуют роды роженицу.

Бывает бездумное, животное неверие в человеке. *Некогда* просто человеку задуматься над собой, прислушаться к пульсированию жизни в своем духовном существе и приглядеться к высшим ценностям бытия. Жует человек равнодушно свою житейскую жвачку и не желает размышлять ни о добре, ни о зле, ни о жизни своей, ни о ее конце. Евангелие таких людей уподобляет гостям, которые, будучи приглашены к великому и доброму хозяину, стали, «словно сговорившись», отказываться от приглашения. Один говорит: «Я купил волов и иду в поле их испытывать, прости меня, не могу прийти»; другой сказал: «Я женился, прости меня, не могу прийти»; третий еще нашел какой-то предлог не пойти к своему Творцу. Люди отказываются... Они, может быть, и не делают большого зла, но им некогда. Они заняты своими маленькими заботами, радостями и печалью и не хотят отойти от них. Жизнь многих людей такова. Царствие Божие, Христово «не вмещается» в них. Грозный это симптом для человечества.

Отвергнув Божию правду и свое подчинение ей, люди попадают в рабство разным партийным, классовым, личным и всяким коллективным эгоистическим полуправдам и интересам.

В человечестве есть жизнь религиозная, есть жизнь нерелигиозная и есть псевдорелигиозная. В истории люди часто прикрывались своими санами и высокими словами о Боге, не служа ему в истине, но оскорбляя Божию святость своими делами. Такое лицемерие Господь осуждает больше, чем неверие. Неверующий, пока он живет в этом мире, может еще покаяться и стать верующим. И много грешников мы знаем в человечестве, которые за тысячелетия его

истории обратились к Богу и к святой жизни. Но религиозная фальшь и лицемерие закрывают дорогу к Богу.

С некоторым основанием иногда говорят антирелигиозники о недостойности верующих людей. Только они не замечают, что этот их аргумент не против религии и сам он – чисто религиозный. Да, в мире было и есть много христиан и пастырей лишь по имени. И безбожники, говоря много неправды о Господе Боге, о вере и о верующих, иногда высказывают частичную правду; она в том, что не все верующие живут по своей вере. Но эту правду всякий и без безбожников всегда видел и видит, но верующий относится к ней иначе, иное заключение делает из этого, понимая, что никакая греховность человеческая не может умалить святость Божию и никакая человеческая ложь не в силах опорочить Божию правду. Само Евангелие говорит, что и среди двенадцати высших учеников Истины оказался один предатель. Но разве это опровергает истинную веру и святость других одиннадцати апостолов? Ничуть. Предательство ложного ученика лишь подчеркивает правду подлинного ученика. Наука не грешит плохими учеными, музыка слабыми музыкантами, истина не ответственна за неверных ей людей.

Душа неверующая, но не самоудовлетворенная, тоскующая по абсолютной истине, придет к Богу. Справедливо говорит философ и учитель Церкви блаженный Августин: «*Тоскует* наше сердце без Тебя, Боже, и не может успокоиться, пока не *найдет* Тебя». Путь правдивого человеческого сердца – радостно жить в Боге или в скорби искать Его. Сердце человеческое находит мир только тогда, когда найдет своего Отца. Бессмертную глубину человеческой души может заполнить только Он, Небесный наш Отец, Который есть вся любовь и вся правда бытия.

Совесьть и заповеди

Хотят ли об этом думать неверующие или не хотят, но существует внепространственное место, куда душа после окончания определенного ей от Бога срока земной жизни уходит на суд. Там раскрывается *книга жизни ее*, где все отпечатано, что говорил, творил или желал на земле человек.

Счастливая книга жизни у тех людей, которые творили на земле одно только добро и стремились выполнять волю истинного Отца народов и людей – Бога. Но горькая книга жизни у тех, кто не верил в Бога и других учил не верить. Горькая книга у тех, кто, отвергая своего Творца, поклонился бездушной материи, отвлеченным идеям или смертным людям, творя себе кумиров. Горькая книга жизни у тех, кто сознательно отверг Дух Божьей правды, евангельскую мудрость и любовь. Никому не хочет Церковь вечной гибели, даже самым большим своим врагам и гонителям, но всем желает спасения. Как Сам Христос молился на Кресте за Своих распинателей, так и Церковь кротко взирает на своих мучителей. Особенно на тех, над которыми уже совершен на земле Божий суд.

Но таинственные и горькие слова для человека раскрываются в евангельской притче о богатом и Лазаре – о немилосердном богаче и о кротком нищем, раны которого лизали псы, когда он лежал в пыли, рядом с палатами богача. А богач пировал, не обращая внимания на бедняка. *«Умер нищий, – говорит Евангелие, – и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его»*. И – *«будучи в муках, он поднял глаза свои»* (Лк 16, 22–23) – и увидел вечную жизнь у Бога и бедного Лазаря, ныне радующегося с праведным Авраамом. Не думал богач о вечной жизни, когда жил на земле, но теперь она предстала пред ним со всей яркостью и несомненностью, а прошедшая его эгоистическая, безбожная жизнь предстала ему со всею своею невозвратимостью утерянных им лет и дней. Муку этого сознания трудно передать человеческим языком.

Братья, русские люди, к вам, еще не пришедшим к вере, обращаюсь я прежде всего – подумайте о своем неверии, подумайте о своей бессмертной душе, она глубже и ценнее всех ваших сокровищ! Не только на краткое мгновение она вам дана. Веруйте в ожидающую вас вечную жизнь. Не поддавайтесь гибельной пропаганде материализма, не застилайте пылью неверия глаза своей души, источник ее жизни – в Боге.

Бог сотворил человека. В глубину сердца человеческого вложено нечто Божественное, как бы некая высшая мысль: совесть. Совесть подобна искре, свету и теплоте. Она просвещает ум, она показывает ему, что такое добро и что такое зло. Совесть есть голос Божий, указывающий человеку, как надо ему поступать. От совести многие люди хотели бы убежать, но это невозможно: совесть внутри человека и человек несет ее всегда с собою.

Между земными силами мы не знаем более сильной и высокой, чем совесть. К совести своей верующий человек прибегает, как к суду Божию. Невинно гонимый ищет убежища и успокоения под покровом спокойной совести своей, как за щитом высшей правды. Человек чувствует себя в безопасности и может противостать целому свету, если совесть на его стороне.

Но, будучи защитником и утешителем человека невинного, совесть является неумолимым судьей человека виновного. Здесь грешник становится прямо перед огнем Божиего суда, на котором осуждаются его беззакония.

Совесть нельзя подкупить. Не надо делать того, против чего она восстает! Она хранит святой Божий закон, написанный в сердцах.

Кроме совести, человеку дан духовный свет и *в заповедях*.

Бывает, что слишком отягченная грехом совесть перестает как бы дышать в человеке. Совесть оказывается придавленной человеческим злом, как тяжелым камнем. Все человечество находится в состоянии необходимости очищения своей совести – молитвой, верой и пока-

янием. Творец дал людям полный, ничем не замутненный свет Свой в евангельском слове, в истине Сына Божия, Христа Иисуса. Евангелие – это голос Божий, звучащий в совести всего человечества. И те, кто слушают и исполняют веления этого голоса, воскрешают свою душу.

Печать истины

Однажды в доме, куда Он был приглашен, Христос увидел, как *званные выбирали первые места*. Заметив эту житейскую деталь, Господь, для Которого ничего не было в нравственном мире второстепенного, сказал слова, которые остались звучать над миром. *«Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подошед, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, подошед, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подошед, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится»* (Лк 14, 8–11).

Проявление человеческого самолюбия совершается чаще всего именно в житейской обстановке, в гостях, в гостиной, в столовой. Как и в древние времена, современный гость тоже хочет сесть на место более почетное. Такое местничество сильно было в ходу у бояр Московской Руси, которые (никак не являя в этом православного духа!) стремились друг друга «пересидеть» за царским столом, но, конечно, кроме трапез самых бедных людей, во всех странах мира идет, хотя и незаметное, соревнование в честолюбии. Скромность – трудная форма добра! Человек, болезненно думающий о том, как бы в чем не поставить себя ниже другого и как бы поставить себя выше другого, не способен к созидательному труду. Тем более к высшему, духовному. Это, может быть, более всего относится к нам, пастырям. Тщеславие есть признак не только нравственного, но и умственного застоя.

В мудрых и спокойных словах Христос открыл нам, людям, эту истину. Но перед тем как остро обличить человечество, Он выявил Свое Божественное милосердие, исцелив больного. Это было в доме *одного из начальников фарисейских* и случилось в субботу, в праздничный день, когда запрещалась всякая работа. Как в нашу эпоху, не понимали многие и тогда, в чем дух настоящего религиозного праздника, – того, что он состоит не в мертвой букве внешнего выполнения предписания, но истинный праздник религиозный есть день послушания Богу в духе и истине и выявления милосердия.

И вот не понимавшие этого религиозного смысла праздника люди сочли исцеление Христом больного в праздник нарушением заповеди о покое седьмого дня. Такова слепота людей. Но Господь пришел для спасения слепых... В тот день, когда Христос был у фарисеев в гостях, *«предстал пред Него человек, страждущий водяною болезнью... Иисус спросил законников и фарисеев: позволительно ли врачевать в субботу? Они молчали. И, прикоснувшись, исцелил его и отпустил. При сем сказал им: если у кого из вас осел или вол упадет в колодезь, не тотчас ли вытащит его и в субботу? И не могли отвечать Ему на это»* (Лк 14, 2–6).

Дело человека – творить добро и помогать людям-братьям всегда, и особенно – в религиозные праздники. Всякий день – день Божий, и есть добро Божие, и создан для добра. И праздник веры – это милосердие Божие и человеческое.

И, уча этой истине, Спаситель указал, что явлению милосердия более всего мешает человеческое самолюбие, и оттого, желая исцеления всем людям, Он сказал: *«Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится»* (Лк 14, 11).

Многие в мире не знают *духовных законов*. Но эти законы существуют и опровергают неверие в духовный мир. Жалкое, отталкивающее впечатление производит на всех, даже нерелигиозных людей, человек, который сам себя хвалит. И чем больше человек собою похвается и себя превозносит, тем более он кажется жалким для окружающих. Таково действие духовного закона. И чем человек скромнее, тем он приятнее для всех. Скромных все любят, тщеславные всех отталкивают. Мы ясно видим, что действует – даже в неверующих людях – непреложный

закон. Неверующие тоже подчинены этому закону. И если они не ценят скромности в себе, они всегда ценят ее в других людях.

Мы не ошибемся, признав скромность одной из самых утешительных черт человеческой личности. Скромность, безусловно, равна милосердию, так как в силу одной своей скромности человек уже милосерд к другим людям – не надоедает им своими претензиями, не мучает их своим посягательством на какую-то значительность. Вольно и невольно скромный всегда отдает честь, во-первых, Богу, а потом и людям, которые все имеют от Бога свои дары.

Скромный оттого никогда в жизни не проигрывает, его таланты и достоинства не унижаются его скромностью, наоборот, еще больше вырастают. И скромность отнюдь также не означает слабости, как думают некоторые, опасаясь скромности, нет, она, только она есть сила и доблесть духа. И в жизни обществ и народов «гордыня идет перед гибелью». Уровень культуры – прямо пропорционален скромности общественной и международной. И оттого Слово, создавшее миры, приняло на Себя жизнь скромного Человека и прошло страдальческим путем жизни, показывая дух скромности как свет, ведущий в бесконечную славу Небесного Царства. Смирение Христа Иисуса стало *печатью истины* в человеке.

Александр – русской матери

Мне иногда приходится получать с разных концов мира отклики на мои радиобеседы². Знаю, что и в Советском Союзе есть слушатели добрые, благожелательные. Почти все отзывы и отклики на мои беседы утешают меня, и я чувствую, как мы, души многие, не знающие в плане материальном друг друга, в духовном мире – единимся и делаемся друг для друга родными. Конечно, те, кто слушает слова мои, – родные мне. Роднит нас одна общая, великая, чудесная истина, которая идет к нам как милость с неба, не с физического неба, а из мира духовного, и мы ее друг другу радостно передаем и говорим о ней. И открывается она через слово истинное, глубочайшее общение душ, это – общение в главном, в самом важном. И сила такого духовного общения опровергает поверхностное понимание жизни.

Мною получено краткое письмо, очень меня тронувшее. На клочке вырванной из тетради странички мне написала одна русская мать с Волги. Вот что она написала: «Возлюбленному о Господе о. Иоанну. Обращаюсь лично к Вам, отец Иоанн, и ко всей Православной Церкви, братьям и сестрам во Христе с большой просьбой. Помолитесь вы о моем погибающем сыне Евгении, который отступил от истины, забыв Бога. В шестнадцать лет ушел из родной семьи и где что зарабатывает, пропивает. Может быть, Господь услышит вашу общую молитву, и по вашей молитве да вернется сын мой Евгений на путь истинный, спасительный, и будет жить в родной семье, и не будет пьяницей. С пламенным приветом к Вам и всем братьям и сестрам во Христе Иисусе, Ваша во Христе сестра Александра. Если Вы получите мое письмо, то известите меня об этом. Я каждое воскресенье слушаю Вашу беседу по радиоприемнику и ответ на мое письмо буду слушать по радиоприемнику...»

Таково письмо русской матери. Сколько в этих строках глубины, сколько невидимых слез, сколько материнского горя и – надежды великой. Счастливы ты, Евгений, что у тебя такая мать! Ты сейчас молодой, не ценишь великой материнской любви, не слышишь материнских слез. И три раны нанес ты матери своей: первая рана – забыл Бога; вторая рана – забыл свой родной дом; третья рана – пьянствуешь. И вот материнское сердце, раненное этими тремя ранами, кричит через континенты и океаны ко всем православным, ко всем верующим людям-братьям: «Братья и сестры, помогите моему сыну Евгению!» И верит мать в силу любви и молитвы человеческой. Молитва может оживить погибающую душу, и душа тогда придет в себя, она вспомнит, что у нее есть Великий Отец – на небе и молящаяся мать – на земле.

Скитается сейчас Евгений вдали от отчего дома, и схватили его тиски греха; отрицая Бога, Источника своей и всей жизни, он лишает себя ее последней правды, высшей силы и радости. И томясь от пустоты, он хочет найти забвение в вине. От пустоты души ведь опьяняют себя люди. Евгению надо найти Бога, Небесного Отца своего, и надо увидеть любовь земной матери своей. Он сейчас не верит ни в правду Божию, ни в материнскую любовь. Это как бы новая притча о блудном сыне, которую нам рассказывает уже сама жизнь. Человек ушел от Отца своего – Бога и ушел от матери своей земной – от хорошей матери, молящейся, смиренной, верующей по-настоящему, не эгоистически любящей сына. Эта мать – образец материнства. Русского материнства. Но, конечно, такое материнство есть и в других странах.

Радуюсь о вас, дорогая сестра Александра, радуюсь о такой вашей любви к Богу и к сыну своему. Только такая любовь может достать душу со дна океана. Достанет она и Евгения, когда Евгений устанет скитаться вдали от Отчего и материнского дома, устанет есть пищу, недостойную человека. И обратится тогда его душа к свету, и спасется пропавший сын, как в притче евангельской.

Вспомним эту притчу Христову о блудном сыне, рассказанную в пятнадцатой главе Евангелия от Луки. Вот что сказал Христос:

«Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии. ...Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропал и найден» (Лк 15, 4–7, 11–24).

Евгений, дорогой, если ты где-нибудь слышишь мое слово, – вернись в свой дом! Вернись к матери своей земной, вернись к Небесному твоему Отцу. Он зовет тебя голосом и молитвой твоей матери.

Мать Александра, Господь любит твоего сына еще больше, чем ты, и тоже ждет его. Но свобода человеческой души велика и нерушима. Нельзя человека принудить к раю. Человек должен свободной волей войти в рай. И все будет делать Господь, чтобы понял твой сын Евгений, где его счастье, где правда вечная, где настоящая жизнь.

Неси в своем сердце, дорогая сестра Александра, свою крестную веру в Бога и свою крестную любовь к своему сыну! А мы все помянем тебя пред Богом. Все мы, узнавши теперь о тебе и о сыне твоём, помолимся за вас. Да спасется душа Евгения, и да возрадуется душа твоя.

Ценность и призрак

Один из главных источников человеческих страданий и преступлений индивидуальных и коллективных есть алчность, «золотой телец», явление практического или теоретического материализма, считающего абстрактную материю или конкретную материальную ценность фундаментом жизни.

Алчность – это лихорадка, трясущая человека, агония человечности.

Материальная ценность не есть зло; она естественна, нужна для человека, как и ценность духовная. Человек есть явление психосоматическое, душевно-телесное. Злом является не материя и не ценность материальная, а поклонение человека духу материи, признание материи как начала жизни, основы всех ценностей (пресловутый «базис») вместо Бога. Зло такого идолопоклонства рождается в сердце, в бытийственном центре человека. Оно есть стремление только к материальным ценностям или к ценностям только для себя. «Золотой телец» («теле-нок», как его называли русские сатирики) мешает явлению и развитию человечности. Около этого апокалипсического зверя зарождается один из мучительных страхов человеческих – страх что-либо потерять или чего-либо не приобрести. Скупые страшатся отдать свое, алчные боятся недостаточно воспользоваться своею жизнью для большего обогащения. «Время – деньги» есть девиз тех, кто не понимает, что время, данное Богом человеку, бесконечно дороже денег. Деньги имеют ценность только для того, кто знает духовную, нравственную ценность времени, данного для нахождения сокровищ нравственных, нетленных. Через милосердие люди могут умножить и углубить самое время, сделав его временем добра. Через любовь временная, материальная ценность делается духовной и бессмертной.

Материальную ценность и надо превращать в любовь. Но – только сама любовь это умеет. А зло хочет это земное время, данное человеку для возрастания в вечности, обращать в материальную ценность. Но так удивительно устраивается в мире, что когда материальных ценностей, не обмененных на добро, оказывается слишком много, они вдруг теряют свою ценность и происходит так называемая девальвация. Но люди – все снова бросаются лихорадочно менять время на деньги. И мечется человечество, накапливая призраки бытия. Каждый хочет захватить себе побольше призраков и, если надо, столкнуть с дороги жизни своего брата. Но призраки рассеиваются, один за другим.

Это особенно видно в смерти человека. *В течение всей мировой истории деньги только и делали, что падали, девальвировались.* Золото стало уже абстрактным, после того как оно стало жидким и газообразным. Оно – символ цены и непрочности материального мира.

Войны – порождение алчности, властолюбия и страха. От страха друг перед другом и пред своим концом люди покрывают себя лжемужеством войны и бряцанием – силой, властью, богатством. Таков их самообман, и каждое поколение ему поддается.

Материальность, данная от Бога как благо, после какого-то уровня начинает мешать нравственному сознанию человека, уничтожает его покой, останавливает развитие души. Оттого столько добровольно отказывались (даже празднично) от лишних материальных ценностей в жажде духовной свободы.

«Золотой телец» принимает в наши дни газообразную, атомическую и абстрактную форму. Люди уже владеют не имуществом, а цифрами, образами реальности. Ускорение производства материальных ценностей ускоряет и процесс уничтожения их. Змея материальности поедает свой хвост. Хронос неблагоприятного времени пожирает своих детей. Неосвященная деятельность, все усложняясь, тяготит человечество. Люди все более «дуреют» от множества своих проблем, планов и знаний.

Все более они оснащаются оружием и хитростью друг против друга и охватываются страхом что-то потерять, чего-то не приобрести.

Если бездонность человеческой души не заполняется абсолютом истины и святости, в нее входят разные миражи блага и призраки ценности.

«Мое только то, что я отдал», – определил смысл имущества Максим Исповедник. А уста ложных пророков говорят как раз обратное: «Мое только то, что я не отдал и никогда не отдам». «Мое то, что я взял у другого». И, идя за этим перманентным лжепророчеством, люди и народы обманываются в истории. Ложь опровергается в смерти каждого человека – жизнь исходит пеплом, ржавчиной, молью, тленом, болезнью, землетрясением, наводнением, тайфуном, бесчеловечием властей... И среди всего этого непрерывного обвала и шумного опровержения неистинных ценностей принадлежит человеку только то, что он отдал, уступил по любви, в чем услышал другого человека, услышал Бога. Жизнь есть дар, данный нам, чтобы мы его обменивали на любовь.

Похвала справедливости

Мы, люди, очень быстро подмечаем всякую несправедливость в отношении себя. На всех окружающих и даже на Самого Господа Бога некоторые обижаются, если что не так у них в жизни получается, как они бы хотели. Но несправедливость, которую мы сами, люди, совершаем в мире, нам менее ясна. Мы даже ее вообще затрудняемся признавать.

Справедливость – какое прекрасное слово! Есть что-то божественное в нем. Оно вдохновляет, укоряет и мучает. Свято нас мучает, когда мы боремся за справедливость в отношении других людей, и в тоску ввергает нас, когда мы добиваемся полной справедливости, и часто в сущих пустяках, в отношении себя со стороны других.

Сама справедливость нас все время толкает и понуждает быть выше справедливости и никогда не быть ниже ее. И мы чувствуем в душе своей мир и радость, когда совершаем справедливость и особенно когда становимся в своих чувствах выше справедливости. Стать над справедливостью – это значит войти уже в Царство Христовой любви.

Есть в нас, людях, чувства, которые можно назвать щедрыми, богатыми, например – любовь, великодушие, бескорыстие, самоотверженность. Но есть в нас и чувства более скромные, но в повседневной жизни, может быть, еще более для нас нужные, без которых жизнь в мире становится совсем невозможной. К этим скромным и тихим чувствам и относится справедливость. Она регулирует основы человеческой жизни – и личной, и общественно-социальной, и государственной. К понятию этой справедливости следует отнести и простую честность, правдивость, уважение к другому человеку, к его жизни, к его слову, к его свободе. Свобода есть самая главная часть жизни другого человека. Свободу нужно охранять справедливостью. Справедливость формулируется заповедями, данными Богом человечеству на Синае. Все они говорят о справедливом законе Божиим, данном человеку. И десятая, последняя заповедь говорит о том, что несправедливость к другому человеку нельзя допускать даже в своих сокровенных желаниях. Нельзя желать ничего, что может нарушить жизнь и права другого.

Я назвал любовь щедрым, «богатым» чувством. Конечно, это относится не ко всякой любви, а лишь к самоотверженной и справедливой. Например, если родители, усыновившие ребенка, относятся к нему хуже, чем к своему родному, они в этом проявляют несправедливость. Так справедливость контролирует даже любовь.

Что говорит Библия о справедливости? Книга Иова говорит об Иове с похвалой: *«Был человек этот непорочен, справедлив»* (Иов 1, 1). Псалом 118-й говорит о Боге: *«Прavedен Ты... и справедливы суды Твои»* (ст. 137). Из этого следует, что если мы не ощущаем Божественной справедливости в отношении себя, то нам надо (как выразился Александр Солженицын по одному поводу) «протереть свой циферблат» – совесть наша, значит, отстаёт от времени и от истины Божией.

Недавно один молодой человек рассказал мне о случившейся с ним неприятности. В связи с ограблением бензоколонки он, случайно находившийся вблизи этого места, был задержан. Пока выяснялись обстоятельства этого дела, он провел некоторое время в заключении. Меня удивила и порадовала реакция этого человека на такое событие, которое было несправедливостью в отношении его. Он сказал: «Попав в эту историю, я стал размышлять о случившемся и пришел к заключению, что в этом происшествии была своя нравственная закономерность, и я увидел в нем высшую справедливость. Дело в том, что я совершил однажды неморальный поступок, и он мне сошел с рук. И я должен был претерпеть какое-то страдание сейчас. Это справедливо...» Я удивился такому нравственно-чистому, религиозному проникновению в суть жизни этого молодого человека. «Такова истинная вера в Бога», – подумал я.

Совесть как чувство глобальной справедливости врожденна человеку (человек – образ Божий). У детей и молодых людей совесть бывает иногда более чуткой, чем у людей поживших

и как бы придышавшихся к несправедливости этого мира. Идя в своей жизни путем нравственных компромиссов, человек постепенно опустошается душой и перестает чувствовать, когда бывает несправедлив к другому человеку, остро чувствуя, однако, всякую несправедливость других в отношении себя.

Милосердие к бедным псалом 88-й называет не милосердием, а справедливостью; и это, конечно, справедливо. «Нищему оказывайте справедливость», – говорит Библия. Если у тебя два куска хлеба или две рубашки, а у человека, который рядом с тобой, нет хлеба и даже одной рубашки, то это даже не любовь, не милосердие, а просто справедливость, если ты отдашь один кусок и одну рубашку нуждающемуся. Говоря в Послании к Ефесянам об уважении детей к родителям, апостол Павел называет уважение к родителям не подвигом и не самопожертвованием, а всего лишь справедливостью. Заповедь, данная Богом человеку, «*чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет и да долголетен будешь на земле*» (см.: Еф 6, 3) (единственная заповедь с обещанием) указывает на путь справедливости. Неуважение и невнимание к тем людям, которые для нас такое огромное дело сделали, родив нас в мир, были избраны Самим Богом стать нашими отцом и матерью, – неуважение к родителям есть глубокая, кричащая несправедливость. Далеко не все это чувствуют. Но когда сами испытывают эту же несправедливость в отношении себя со стороны своих детей, лучше понимают свой грех.

Благоразумный разбойник, вися на Голгофе рядом со Спасителем мира, останавливая другого, тоже распятого, но озлобленного разбойника, высказал мысль, показывающую ясность и честность его нравственного сознания и высокую его справедливость. Он так сказал своему тоже распятому и умиравшему на кресте товарищу: «*Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он (то есть Христос) ничего худого не сделал*» (Лк 23, 41). Ясно видно здесь двоякое явление справедливости: это признание человеком своей вины – признание невинности другого человека. Вот пример честного, неэгоцентрического сознания. Оно может открыться и в очень грешном человеке. Это иллюстрация к тому, что сказал Ф.М.Достоевский о человеке вообще и о русском человеке в своей книге «Записки из Мертвого дома». Достоевский увидел, что на дне души даже самого закоренелого преступника таится искра той человечности, в которой именно и проявляется Божий образ в человеке. Тут источник всей мировой справедливости. Свет идет от Бога через человека, протершего зеркала своей души, снявшего с совести пыль и отражающего Божий свет. Великое утешение мы испытываем в мире от явления всякой справедливости, независимо даже от того, имеет или не имеет она отношение лично к нам. Справедливость есть свет сам по себе. И когда мы к ней прикасаемся, мы переживаем чувство полноты жизни и радости. Бог тогда с нами. Это понял разбойник на голгофском кресте. И оттого он вошел со Христом в рай.

Самое великое торжество справедливости совершится на последнем суде, когда Бог «отрет всякую слезу» с глаз человека. Все тогда будет названо своим подлинным именем, падет всякое ложное величие, и правда займет свое место. Это будет апофеоз всемирной справедливости и высшей любви.

Увидеть справедливость окружающих нас, испытать и свою справедливость в отношении людей – это большое счастье, так как высшая справедливость – выше справедливости, и имя ей любовь.

Сверхклассовая истина

На улице Виа Ардеатина в Риме археологи открыли место погребения христианской семьи I века, Флавиев. Оно известно под названием *катакомб Домитиллы*. Флавия Домитилла, племянница императора Веспасиана, была замужем за двоюродным братом Веспасиана, Флавием Климентом, который был консулом около 95 года.

В это время, когда еще был жив один из двенадцати апостолов Христовых, евангелист Иоанн, христианство уже вошло не только в низший, но в высший слой римского общества. Оттого писать про христианство, что оно есть явление «классовое», не приходится. Также нельзя говорить, что христианство в истории выражает-де попытку бедняков «компенсировать» свое трудное положение на земле мыслью о счастливой загробной жизни. Христова истина веры в бессмертную личность человеческую и в пришедшего к людям Живого Бога Творца, Который есть Любовь, очень нужна всем людям; и оттого-то с самого своего возникновения в мире эта великая истина стала «глаголом жечь сердца людей», стала влечь и захватывать людей самого различного социального положения и экономического уровня. Как ко Христу Спасителю, так и к Его Предтече Иоанну, крестившему народ при Иордане, тянулись люди всех социальных слоев: и бедные, и средние, и состоятельные. Определяющим моментом в сознании человечества стало совсем *новое понятие бедности и новое понятие богатства*. «*Богатых в настоящем веке увещевай, – писал апостол Павел к Тимофею, – чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего нам все обильно для наслаждения*» (1 Тим 6, 17). Как бедным людям, так и богатым Слово Божие советует торопиться богатеть добрыми делами и приобретать себе сокровище, не оскудевающее на небесах, которое ни вор не может украсть, ни тление не может коснуться и которого никакая смерть не одолеет.

Римские катакомбы и подтверждают эту универсальность и сверхклассовую сущность Евангелия. Евангельская истина освободила человека и человечество от всей ограниченности и связанности чем-либо второстепенным, не экзистенциальным. Правда Христова, как вода, воздух и солнце, нужна всем людям.

Ко Христу Спасителю, к свету евангельскому, засиявшему во тьме этого мира, сразу же потянулось человечество и тянутся до наших дней люди всякого материального состояния, разных национальностей и уровней культуры – те, в которых есть любовь к вечной Любви Божьей и жажда правды совершенной. Если бедных было в истории все-таки больше среди верующих христиан, то это в силу того, что бедных в мире больше, чем богатых, а также и в силу того, что богатым, по слову Спасителя, труднее войти в Царство Божие. Многие из них бывают рабами своего богатства больше, чем бедные – рабами своей бедности.

Языческий историк I века говорит о Флавии Клименте, что он, как консул, не пользовался в римском обществе особым уважением. Почему? Потому что – «*не был честлюбивым*». Бросавшие консулу Клименту такой упрек люди не понимали, что «не быть честлюбивым» – звучит высокой похвалой для христианина. И можно понять, какое страдание несли эти первые христиане среди общества неверующего, их не понимавшего... Но только их высокий пример, только их светлая вера, жертвенность и мудрость могли возродить нравственно растленное общество. И этой нравственной своей правдой, святой, бескомпромиссной, связанной с жизнью, верой своей христиане привлекали людей ко Христу, одновременно возбуждая против себя гонения.

Дети консула Флавия Климента и Домитиллы тоже были христианами. Желая сделать их своими наследниками, император Домициан даже переименовал их имена на Веспасиана и Домициана. Но не было воли Божией на то, чтобы Христова вера вошла в мир с царским величием. Она должна была показать миру, что опирается не на меч земной, не на политику цезарей, не на

блеск трона, но только на Божию правду и на веру тех людей, в сердцах которых засиял Божий свет... Консул Флавий Климент не спасся своим родством с императором и стал мучеником. В «безбожии» была обвинена переставшая верить в мифических казенных богов Рима и его жена, Флавия Домитилла, дочь сестры Климента, сосланная за свою веру во Христа на остров Понда. Иероним рассказывает, что при нем (то есть в конце IV и начале V века) паломники часто посещали на острове Понда жилище этой исповедницы. Семья мучеников Флавиев оставила в истории свою семейную усыпальницу, которая расширилась и сделалась общественным кладбищем христиан.

В 1865 году археологические находки подтвердили, что христианские катакомбы Домитиллы на Виа Ардеатина в Риме действительно своим началом имеют усыпальницу Флавиев I века. Открыт был и неизвестный дотоле вход в эти катакомбы, с фрагментами фресочной росписи в классическом стиле, что указывало на I век, эпоху Нерона; и потом была найдена у того же входа надпись: «Усыпальница Флавиев».

Как история, так и археология говорят о социально-смешанном составе христиан на заре христианства. Так было и так остается. Солнце с неба одинаково сияет на богатых и бедных, знатных и простых – истина Божия одинаково озаряет душу человека, кем бы ни был человек, как бы ни назывался он в этой жизни земной, преходящей, как утренняя роса.

СНЫ

Целую треть своей жизни человек пребывает во сне. В младенческий период свой он спит гораздо больше половины жизни. Сон – образ смерти, пробуждение – воскресения. «Уснул, успокоился», – говорят об умершем. И молятся люди о своей непостыдной, мирной кончине, уходе из земной жизни в полной умиротворенности, молитвенной богопреданности.

Наука пытается расшифровать природу сна, но она далека от объяснения этого феномена. Естественная наука может сказать лишь о некоторых происходящих во время сна физиологических изменениях или химических процессах в теле, психиатрия и психотерапия стараются проникнуть в психические законы сновидений... Но все тут остается шатким, неясным.

Опыт *духоведения*, религиозный опыт, различает три рода сновидений, вернее, три подоплеки сновидческих. Первый род сновидений, наиболее распространенный, – суетные, пустые, как бы ничемные сны, ничего не значащие ни нравственно, ни умозрительно. Они являются, по-видимому, отражением в мозгу человека его повседневных тревог и забот. Но бывают сны и определенно духовно окрашенные либо некоей беспокойной, нехорошей духовной силой, либо умиротворяющей душу. Есть устрашающие сны, лишаящие душу мира, отягощающие нас или нехорошо возбуждающие. И есть сны утешающие, нечто предвозвещающие – «с неба», от Бога, от светлых сил. Исторически засвидетельствованы пророческие сны. О них неоднократно говорит Библия; эти сны чудесно предупреждают человека, вдохновляют, просвещают, поучают и утешают. Реальность их совершенно бесспорна.

Пророк Иоиль сказал за несколько столетий до Рождества Христова о таких пророческих снах: *«И будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения»* (Иоил 2, 28).

Примеры пророческих светлых снов мы видим и в первой главе Евангелия от Матфея. Иосиф, *«будучи праведен и не желая огласить обрученной ему Марии, хотел тайно отпустить Ее»* (ст. 19). И вот, как только он «помыслил это» (небу открыты наши мысли), *«Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго, родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их»* (ст. 20–21)... Далее Евангелие говорит, что через сон было возведено Иосифу, как и мудрецам Востока, что они должны были сделать. И они послушались этих ярких откровений во сне. В книге Деяний апостолов, в 10-й главе, мы читаем об очень важном для понимания христианства символическом полусне-полувидении апостола Петра. Когда посланные от римского сотника Корнилия шли к апостолу Петру в Иоппию и уже приблизились к тому городу, где был апостол, сам апостол Петр около шестого часа, взойдя на верх дома помолиться, «видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные» (см.: Деян 11, 5–6). Из этого (и из дальнейшего) апостол Петр ясно понял, что язычники-римляне, его искавшие, были посланы к нему от Бога, и он принял их без сомнения. После разговора с посланными от Корнилия апостол Петр сказал знаменательные слова: *«Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему»* (Деян 10, 34–35). Здесь открылась чрезвычайно важная для спасения всего человечества воля Божия об апостолах, о том, что им надо идти с проповедью ко всем народам мира.

Человек может подняться над своей первичной физической и психической реальностью к реальности высшей, к опыту пророческих видений и сновидений.

В автобиографии своей, опубликованной в Париже, известный ученый-хирург Советского Союза архиепископ Симферопольский Лука Войно-Ясенецкий рассказывает, как после призвания своего на служение Церкви и посвящения во епископы он был приведен в город

Енисейск и служил там. Вот что он сообщает: «Все священники этого города, сверкавшего множеством церквей, и все священники областного центра Красноярск уже были живоцерковниками и обновленцами. Богослужения я должен был поэтому совершать с тремя сопровождавшими меня священниками в своей квартире. И вот однажды, когда я вошел в зал, чтобы начать литургию, я увидел стоявшего у входной двери пожилого монаха. Глядя на меня, он точно остолбенел и даже не поклонился мне. Вот почему это с ним случилось: православные люди города Красноярск, не хотевшие молиться со своими неверными священниками, избрали этого монаха и послали в город Минусинск, к югу от Красноярск, к жившему там православному епископу для рукоположения в иеромонахи. Но какая-то неведомая сила привлекла его не на юг, но на север, в Енисейск, где жил я. Он рассказал, почему так остолбенел, увидев меня: десять лет тому назад, когда я еще жил в Средней России, он видел сон. Ему снилось, что неведомый ему архиерей рукоположил его в сан иеромонаха. Увидев меня, он узнал этого архиерея. Итак, уж десять лет тому назад, когда я был только хирургом переславль-залесской больницы, я уже числился архиереем у Бога».

Таких примеров личных откровений человеку во сне можно было бы привести много. Доктор медицины Поль Турнье, современный швейцарский мыслитель, автор книги «Медицина и личность», говорит о природе этих феноменов в связи с учением психологов цюрихской школы К.Юнга и Мэдера: «Фрейд и его ученики, следуя чисто механическому и причинному пониманию души, видят в снах лишь “пульсирование инстинкта” и выражение “подавленного желания”. Для школы Мэдера, наоборот, сон является “выражением состояния живой личности того, кто видит сны”. Усвоив это разделение, Карл Юнг в своих многочисленных работах показывает, что именно этот подход ведет нас к истинному пониманию образа души...

Работы цюрихской школы открыли науке новые горизонты, и взгляды фрейдистов нам кажутся односторонними, – говорит Турнье. – Любой сон можно рассматривать как по теории Фрейда, так и по теории Юнга». Доктор Турнье приводит такой пример: «Некоторые автомобили движутся мотором чрез посредство передних колес, другие – колес задних... Влияние на личность наших животных инстинктов, по теории Фрейда, это есть движение “задних колес” нашей души; а духовные стремления, возникающие по теории Карла Юнга, – это движение человеческой души посредством “передних колес”».

Душа человека является тем мотором, который приводит в движение все четыре колеса одновременно, – душой приводятся в движение и низшие инстинкты, замеченные Фрейдом, и высшие силы духа, на которые указывает Юнг. Действующий в природе нашей инстинкт может перейти в духовную интуицию и передать человеку высший нравственный зов, научить человека воле Божией, призванию бессмертия.

Память и забвение

Несовершенство души человеческой проявляется в том, что она забывает важное и помнит суетное. Забывает то, что не надо забывать, и помнит то, что нужно забыть.

Применяя к этому известное изречение, можно было бы спрашивать всякого человека: «Скажи мне, что ты забываешь и что ты помнишь, и я тебе скажу – кто ты».

Начнем же спрашивать самих себя, что мы, люди, а особенно мы, верующие, помним и что забываем. Помним ли мы всегда о Том, Кто дал нам жизнь? Не забывает ли наша душа Бога? Сильна ли, глубока ли, живительна ли наша память об этой *истине*, о реальности высочайшей? Помним ли мы то, что Сотворивший нас всегда с нами пребывает, хотя мы и не всегда бываем с Ним? Помним ли мы, что Дух Святой проникает во все наши помыслы, читает наши мысли и судит намерения? Помним ли мы, что живой Христос, пребывающий в мире, есть величайшая Святыня, Чистота, Правда и Любовь? Удержала ли наша память Его заповеди и законы, которые дал Господь для нашей жизни и ее спасения в вечности? Остаются ли в нашей душе слова Христовы, слова такой силы любви и доверия к нам, что Он называет нас детьми и братьями, а не наемниками, а тем более – не врагами Своими, хотя мы, делая зло, более похожи на Его врагов. Помним ли мы, что Слово Божие вочеловечилось и стало рядом с нами, заговорило на нашем языке и научило нас видеть в себе и в других внутреннего, духовного человека – друга Богу. И еще, помним ли, как был отвергнут Христос, как мало было у Него защитников, как не нашлось Ему места на земле ни в первую Его земную, ни в последнюю Его минуту? Но словно молния, «блистающая от востока до запада», чудно, таинственно, неопровержимо воскрес Христос, встал из Своего гроба и явился ближайшим ученикам, двенадцати, и семидесяти, и пятистам, и – Его, воскресшего, узнавали, и – Он давал безмерную надежду людям; как Он после возшел на небо, скрылся в невидимый мир, чтобы стать еще ближе к каждой душе на земле, еще совершеннее встать у порога каждого человеческого дома... Помним ли мы, что Ангелы и духи святых окружают людей и особенно близки к призывающим их?

Сохраняет ли наша память, где бы мы ни были, ту истину, что земная, краткая наша жизнь всегда лишь на волосок отстоит на земле от великого незримого мира и каждую минуту мы можем быть позваны в другой мир, на последний суд Правды Небесной?.. Помним ли это всегда, а особенно тогда, когда давящая душу тяжесть входит в нас и какой-то внутренний голос шепчет лстивые, темные слова и наша душа начинает колебаться и склоняться ко злу? Помним ли мы тогда о Боге, взываем ли к Богу? Помним ли мы после своего греха, что милостив Господь и дал нам путь восстановления духовного в покаянии. Помним ли мы в минуты уныния, что Господь долготерпелив, а в минуту искушения злом – что Господь праведен? И, глядя на окружающих нас людей, помним ли мы, что наш Господь есть и их Господь; наш Небесный Отец есть и их Отец; их Судья и наш Судья? Помним ли мы, что оправдывается или осуждается человек только «от дел своих», но что «без веры невозможно угодить Богу»?.. Такие духовные сокровища истины и бессмертия может хранить наша память, наша жизнь. Хранит ли она это сияние? Блажен тот, кто знает истину Божественной любви к нам. Ни на что другое не умея надеяться, он надеется на любовь Божию и живет любовью Господа своего.

Не о всем, а о самом главном я спросил человеческую совесть и память. И теперь я хочу допросить человеческое забвение.

Забвение, поглотило ли ты все обиды моей жизни, все горести и все боли, все страхи жизни? Поглотило ли ты, забвение, суету прошедшей жизни, все ее ничтожные переживания, недоразумения, пустые слова, ненужные споры и волнения?.. Лишь на поле, очищенном забвением суеты, вырастает мудрость.

Забвение смелое, ты, как вода чистого родника, уносишь прах земли и топишь его в себе, не теряя своей сверкающей чистоты. И человеком может быть лишь тот, кто мудро забывает себя, помня о Боге и Его правде.

Святым забвением своим и светлой памятью мы входим в настоящую жизнь.

Врата в жизнь

Религия объясняет не только тайну жизни, но и тайну смерти. К исходу из этого мира люди относятся по-разному. Есть окаменение пред лицом смерти, есть циничное отношение к ней; есть желание смерти – от уныния или отчаяния, когда призывает человек смерть, чувствуя страшную тяготу жизни; в этом состоянии он иногда сам накладывает на себя руки или хочет, чтобы его убили. Бывает состояние безразличия, когда человек принимает бездумно и жизнь, и смерть. Есть страх перед смертью, животная боязнь, достигающая иногда такой силы, что, находясь даже вне всякой видимой опасности для жизни, человек тягостно ожидает смерти, думает о ней как об уничтожении своем; иное отношение – это покорное принятие смерти: полное сознание важности, ответственности и даже величия ее мгновения как перехода в высшую область бытия; и наконец последнее отношение – это ангельская радость перед лицом смерти. Человек, знающий Царство Божие уже *по опыту земной жизни*, ждет с великой надеждой этого Царства Божия, блаженного упокоения духа своего в Боге после смерти тела. Не стремится он в иной мир против воли Божией, осознает ценность и земной жизни, но радостно ждет той минуты, когда воля Божия возьмет его в высший мир.

Апостол Павел, переживший это высокое чувство, говорит: *«Имею желание разрешиться и быть со Христом»* (Флп 1, 23), ибо *«жизнь моя – Христос, и смерть – приобретение...»* (Флп 1, 21).

В человечестве преобладает страх пред смертью, переходящий в бездумно-покорное принятие ее неизбежности. Но часто бывает и окамененное нечувствие, и не только боязнь смерти, но и боязнь даже думать о ней. Те, которые гонят от себя мысль о смерти, не могут, конечно, религиозно подготовиться к неизбежному исходу.

Память о смерти святые учителя и подвижники христианства считают для человека *столь же необходимой для духовной жизни, как и молитву*. Они говорят, что молитва есть «правое крыло» души верующего человека, а «левое крыло» его есть память об исходе из этого мира.

Часто высказывается в мире неверная мысль, что память о смерти препятствует проведению земной жизни, как бы «тормозит» активность человека в мире. Это может быть отнесено лишь к житейски ипохондрическому отношению к смерти, которое делает человека действительно не способным ни к какому делу. Христианская же память о смерти есть прозорливое состояние души человеческой и делает ее более сознательной и мудрой, давая активности человека в мире особую силу и ответственность.

Языческое древнее общество сперва подозревало христиан в недолжных чувствах в отношении к жизни этого мира, но, присмотревшись, увидело свою ошибку. Христиане могли отдавать земле все, что предназначалось для земли, в порядке государственной повинности и общественного служения. Но лишь Богу и вечности христиане отдавали свою душу.

Христианство никогда не противоречило жизни, а *только одному греху*. Память о смерти – о которой говорят учителя Церкви – не активности жизни противоречит, но *активности греха*. Греховное чувство действительно ненавидит память о смерти потому, что это есть память и о расплате за грех, о конце всех иллюзий, миражей зла, призрачных его радостей, которыми зло соблазняет на земле человеческую душу, отвлекая ее от Бога и Его правды.

Что такое смерть? Зло это или добро? Некоторые скажут «зло»; другие (по-разному) скажут «добро». Истина же в том, что смерть, как уход человека из одной действительности, земной, в другую – небесную, являясь следствием зла, не есть сама по себе *ни добро, ни зло*; для одних людей, добрых, верующих, она является добром и благодеянием, а для других, не показавшихся перед Богом, она бывает злом, горем. *Качество души* умирающего человека определяет значение смерти для нее.

Слово Божие понимает смерть не в одном только смысле расставания человека со своим земным телом, но и в смысле *потери человеком благодати Божией*. Эта последняя, *абсолютно ужасная смерть есть смерть души*, или, как говорит Апокалипсис, «смерть вторая» (Откр 20, 6), – смерть для праведности, для чистоты, для блаженства, для добра – вечной жизни в Боге. Но эта смерть вторая никакой не имеет власти там, где души спасены и преображены силой Христовой. «Смерть и ад отдали мертвых», – говорит Откровение (Откр 20, 13).

Самая святая и высшая смерть человека есть смерть его *для зла, для греха*. Смерть для самой смерти... Человек умирает, чтобы не умирать больше. Воскрешенный во Христе есть человек, «умерший для зла». Смерть явилась в мире результатом человеческого отпадения от Бога, следствием греха; и когда уничтожается грех, в подлинном покаянии и в прощении Богом человека снимается проклятие греха, то вынимается и *жало* из смерти. Оттого так торжественно и радостно в своем пасхальном знаменитом слове святитель Иоанн Златоуст восклицает: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?!»

«Жало» вынуто из человеческой смерти воскресением Христовым. И все верные Христу, все живущие с Ним и в Нем – *сыны воскресения*.

Преподобный Серафим

19 июля 1903 года в России, в Тамбовской губернии, в обители Саровской совершилось прославление преподобного Серафима, Саровского Чудотворца. Рядом с именем Сергия Радонежского это имя засияло над Русской землей.

Родился преподобный в Курске 19 июля 1759 года, скончался он в 1833 году. Звали его в миру Прохор Мошнин. Уже с детства в нем была заметна особенная религиозная одаренность, и к восемнадцати годам сложилось у него твердое решение посвятить всю свою жизнь Богу в иночестве. Прохор стал послушником, вошел в монастырскую семью саровскую.

Истинное монашество есть совершеннейшее явление общинности, общности, основанной на вере, любви и свободе человека. Вводить общность жизни насильственно, государственно – это значит строить на песке, идти на самообман или на обман других. Чтобы начать жить полной общей жизнью с другими, надо прежде всего побороть в себе эгоизм, стать истинным братом или сестрой для других и чтобы другие стали для тебя братьями и сестрами. Но братское отношение к людям возможно лишь при отречении от своей эгоистичности и при живой вере в Бога, Отца всех людей.

Единства и общности душ человеческих на почве материальных ценностей, конечно, не может быть. Материализм разделяет и обособляет. Материализм есть начало эгоистическое, разделяющее. Если материалисты бывают жертвенными, то это вопреки своему материализму, в силу своей духовной человеческой природы. История нам показывает, что даже монастыри, когда они делались слишком хозяйственными (в ущерб духовной жизни), разрушались. Без духа всякое тело есть труп. В силу этого объединение людей в материализме не может сблизить их, не может дать счастья человечеству. В человечестве, обладающем нравственной свободой и бессмертной личностью, единство жизни осуществляется лишь в духе высокой веры и истины. Таков закон жизни в человеке. Лишь по мере преодоления своих эгоистических склонностей, материалистических идей и звериных инстинктов человек способен войти в настоящее единство с другим человеком. Смысл христианского монашества и жизнь Церкви есть соединение людей в истинно общую жизнь во имя Христово.

Много было преподобных, нашедших в себе Божие подобие, в мире и в истории России. И одним из самых ярких выразителей этого духа, Христова духа, на Руси явился преподобный Серафим.

Жизнь его показывает, какое спасительное значение для многих людей имеет очистившийся, к Богу пришедший человек. Он является посланником Божиим в мире. Есть люди, сами себя творящие вожжами. Есть люди, избираемые своими единомышленниками. А есть посылаемые на служение человечеству Самим Богом. Только такие приносят истинный и для всех сладкий плод.

После долгого пребывания в монастыре, в труде, богомыслии, послушании, покаянии, отшельничестве и молитве преподобный Серафим вышел к людям – исцелять их. Множество душ получило от него укрепление, обновление и исцеление!

«Стяжи в себе мир, и вокруг тебя спасутся тысячи, – говорил он и поучал: – С ближними нужно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления... Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви. Все мы требуем милости Божией... Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай... Тело есть раб души, а душа – царица, а потому часто, милосердием Божиим, бывает и то, что, когда тело изнуряется болезнями, человек приходит в себя... Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому она бывает как подвиг, и даже более подвига...»

Смерть старца не прервала светлого потока его добра и молитвенной помощи людям. Еще более расширился этот поток. И до наших дней он несет благодать по Русской земле и оживляет человеческие сердца.

Метафизический реализм

«Мастер и Маргарита»³

*Если извлечешь драгоценное из
ничтожного, то будешь как Мои уста.*

Иер 15, 19

Михаил Булгаков (1891–1940) унес из этого мира тайну творческого замысла своего главного произведения «Мастер и Маргарита», в которое он вложил двенадцать своих последних лет и, в сущности, всю жизнь.

Это произведение пролежало в бумагах покойного писателя двадцать шесть лет. В ноябрьском № 11 журнала «Москва» 1966 года появилась первая часть его и в январском 1967-го № 1 – вторая, последняя. Публикация была сопровождена статьями Константина Симонова и А.Вулиса. Надо отдать честь обоим авторам, – с умелостью и даже своеобразным блеском они подали книгу Булгакова читателю. Они очень умело оправдали странную, необычную форму этого произведения и сделали приемлемым его содержание для своей страны. Нужно было их искусство, чтобы реабилитировать «Мастера и Маргариту». А.Вулис и К.Симонов ответили на все могущие быть возражения против этого произведения в СССР. Но и после их объяснений и рассуждений остается еще много такого, что можно высказать.

Сложный, с ветвистой плюралистической тематикой роман «Мастер и Маргарита» построен в ключе фантастики, острой сатиры и умной русской иронии. В основной структуре этого романа мы видим странную любовь Маргариты, некоего женственного начала (может быть, таинственно олицетворяющего Россию?), к столь же таинственному, как она, и в конце концов расплывшемуся в далах если не света, то покоя писателю, Мастеру. Мастерство его, сокрытое от читателя, было, очевидно, столь высоко и чисто, что он не мог не попасть в психиатрическую больницу для врачебной экспертизы.

Ключевая тема книги, любовь Мастера и Маргариты, проходит странной, лунной, не солнечной полосой в повествовании и не избегает невероятных приключений, разыгравшихся в Москве и в России; она тоже попадает в свистопляску призрачно очеловечившихся злых духов и трагически суматошных, полурасчеловечившихся и одуроченных злом, вовлеченных в его игру граждан.

Мастер и Маргарита – не двойной ли это образ русской души, жаждущей мира и раздирающейся между бесовским искушением и зовом истины? Острая маскировка автора (вынужденного к этому условиями жизни) затрудняет чтение подтекста книги. Но несомненно, что читатель, заинтересованный не одною только развлекательностью и остроумием книги, ощутит и ее метафизическую концепцию, явленную не в философских размышлениях, а в самом драматическом действии. Пронизанная молниями сатирического юмора, усеянная блестками озорной русской иронии, книга Булгакова, идущая по грани иного и этого мира, шекспировски трагедийна.

Она – не только обличение бесчеловечия обывательского. В центре ее встает очистительная гроза над Голгофой, входящая на ее страницы внутренней повестью о римском прокураторе Иудеи Понтии Пилате. Верно оценивая высокую эпическую прозу этих страниц, К.Симонов не решается сказать, что эта вершина прозы Булгакова, вызывающая его восхищение, является, в сущности, явлением не Понтия Пилата, а Христа Иисуса. Здесь именно «революционность» этого произведения. Впервые в условиях Советского Союза русская литература серьезно заговорила о Христе как о реальности, стоящей в глубинах мира.

Однако то, что говорят булгаковские страницы о Спасителе и о Пилате, исторически не точно. Злая сила по-своему воскрешает евангельские события, где она была побеждена. Но и сквозь эту неточность и смещенность евангельского плана удивительно ярко видна основная трагедия человечества: его полудобро, воплотившееся в римском прокураторе Понтии Пилате. Воланд – главная сила зла – не мог совершенно исказить лик Христов, как не в силах был и скрыть великой реальности существования Христа Иисуса. Громом с неба открылась эта истина московским безбожникам. Эти неверующие в существование Христа писатели на московских Патриарших прудах увидели реальность Его существования одновременно с явлением злой силы. Старший из них, матерый руководитель писателей, всецело бывший во власти зла, но этого совсем не понимавший, был молниеносно уничтожен. А другой, молодой поэт, не до конца еще развращенный казенной идеологией, пройдя через всежизненную катастрофу, великое крушение, перешел в конце концов из оптимистического лагеря довольных собой строителей мнимого реализма в главный лагерь русских людей, понимающих, что есть нечто большее, чем материализм, и страданиями очищающих жизнь.

Драма книги – *неистинное добро*. Среди этой фантазмагии идеократического и обывательского мнимого добра хозяйничает Зло. Слово «Зло» я тут пишу с большой буквы не потому, что оно достойно этого, а потому, что здесь оно заслуживает такого подчеркивания. Многочисленны, трагически смешны и нелепы эти слившиеся с бытом людей проделки зла, одурачивающего человечество. Метафизической этой проблеме, обычно скрываемой в обществе, Булгаков дал в условиях Советского Союза удобную сатирическую форму, которую можно назвать *метафизическим реализмом*. Этот *большой* свой реализм автор должен был, конечно, уложить на прокрустово ложе *маленького*, обывательского «реализма», переходящего в буффонаду, чтобы сделать хоть немного доступным людям свой замысел.

О книге Булгакова будут писать. И о ней нелегко будет писать тем, кто станет писать. Но главное то, что книга эта уже пришла к читателю, и к тому лучшему читателю, который ищет в человеке измерения большего, чем материалистическое.

Первой целью своею Зло ставит сокрытие себя. Но человек, современник наш, играющий атомами водорода, должен понять, как легко он может стать игрушкой этой силы, проходящей чрез все умственные фильтры и социальные поры человечества. Круг одного только социально-экономического понимания добра и зла слишком мал для человека. И логика одних житейских нравственных критериев слишком несовершенна. Человек должен войти в метафизический круг истины. Обращаясь к русскому человеку, сильно прополосканному в разных щелочных растворах материализма (но вследствие этого особенно чуткому к высшей действительности), и думая о всяком человеке, Булгаков советует не забывать святых слов, оканчивающихся «и избави нас от лукавого...» С шекспировским блеском его книга открывает подлинную ситуацию человека, еще находящегося в области Понтия Пилата.

К познанию судеб

Факты и символы

За десять лет до революции, в 1907 году, отец Иоанн Кронштадтский обратился к России с такими словами: «Приветствую вас, братья и сестры, необычным *новым* поздравлением: с новым небом и новой землею! Не удивляйтесь и не говорите, что рано поздравлять с тем, чего нет еще. Но ведь слово Божие истинно, и тайнозритель Иоанн благовествует о новом небе и новой земле как о настоящих: *“Ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет”* (Откр 21, 1). *“Небо и земля прейдут, – говорит Господь, – но слова Мои не прейдут”* (Мф 24, 35). Посмотрите, как мир близится к концу; смотрите, что творится в мире: всюду безверие, всюду наносится оскорбление Существо бесконечному, всеблагому, повсюду хула на Создателя, всюду дерзкое сомнение и неверие, неповиновение; повсюду в мире вооружения и угрозы войною; во многих местностях России и других стран острый голод; повсюду угрозы смертью, повсюду убийства, всюду расхищения казны и частной собственности; повсюду потеря стремления к высоким духовным интересам, ибо весь почти интеллигентный мир потерял веру в бессмертие души и вечные ее идеалы или стремление к богоподобному совершенству, о котором Господь говорит: *“Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный”* (Мф 5, 48); повсюду одно стремление к удовлетворению животных страстей; алчность к корысти и обогащение хищническим образом; огульное пьянство, неуважение брачных союзов. Смотрите и сами судите: мир окончательно растлел и нуждается в решительном обновлении, как некогда чрез всемирный потоп» (*«Слово на Новый год» отца Иоанна Кронштадтского, газета «Котлин», 1907*).

Согласно Библии, одно из характерных явлений приближения смутного времени – распространение в людях ложной мистики. Материал к познанию такового явления в русской жизни перед революцией дает В.Быков в двух книгах, написанных вскоре после его отхода от увлечения спиритизмом: «Спиритизм пред судом общества, науки и религии» и «Тихие приюты для отдыха страдающей души». Быков утверждает, что когда он в России «приступил к широкой пропаганде и насаждению спиритического учения в духе Аллан-Кардека, Рустано, Роберт-дель-Оэна в философской догматической части его, а в практической – в духе эксперименталистов Крукса, Пальнера, Рише, Роша и других», то «сверх всякого ожидания откликнулись в первые годы издания журналов “Спиритуалист”, “Голос всеобщей любви”, “Смелые мысли” и газеты “Оттуда” – до пятидесяти тысяч человек, желавших подписаться на них. Это обстоятельство вызвало переполох даже в церковной печати». «Я помню, – говорит Быков, – в “Оренбургских епархиальных ведомостях” была напечатана статья, автор которой вполне резонно отмечал в этой пропаганде угрожающую людям, слабым в вере, опасность отойти от родной религии, скрепляя свои доводы тем соображением, что если считать около каждого подписчика не менее десяти человек читателей, то контингент их составит до полумиллиона человек в год».

В России увлекались спиритизмом и иными ложными явлениями духа не только помещики и чиновники, но даже священники и крестьяне. Спустя много лет, после своего раскаяния и отхода от спиритизма, Быков «встречал в Тамбовской губернии, в Борисоглебском уезде, правильно организованные спиритические кружки среди крестьян».

Как в великосветских петербургских салонах, так и в крестьянских избах происходили различные псевдодуховные явления. Согласно Библии, эти явления всегда были в истории показателем омрачения и симптомом духовного разложения народов. Библия ясно говорит всякому народу: *«Не научись делать мерзости, какие делали народы сии* (то есть язычники. –

А.И.). *Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего. Будь непорочен пред Господом, Богом твоим. Ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей, а тебе не то дал Господь, Бог твой»* (Втор 18, 9—14).

Если мы продолжим свою речь о симптомах приближения смутного времени в России, нам надо остановить свое внимание и на одной *жуткой по своей простоте заметке*, помещенной в одном из лучших религиозных журналов предреволюционной России «Вера и разум» (Харьков, 1900). Заметка напечатана мелким шрифтом и на последней странице этого журнала, хотя ее следовало бы напечатать огромными буквами на первых страницах всех русских газет и журналов того времени. Вот текст этой заметки:

«“Санкт-Петербургский вестник” сообщает следующие сведения о деятельности Общества распространения книг Священного Писания в России за 1899 год. Отчетный год, вопреки опасениям, в финансовом отношении закончился благополучно: в приходе было сорок шесть тысяч триста пятнадцать рублей, в расходе – сорок пять тысяч триста девяносто два рубля; таким образом, оказалось в остатке девятьсот двадцать три рубля. Книг Священного Писания распространено в разных губерниях Европейской России и на Кавказе, по городам, селам, железным дорогам и на пароходах – сорок девять тысяч пятьсот девятнадцать экземпляров (на тридцать шесть тысяч двести двенадцать рублей), в том числе Библии, которые народ теперь так охотно покупает, ознакомься с содержанием сей Богодухновенной книги, – четыре тысячи сто шестьдесят девять экземпляров. Распространяли священные книги шесть книгонош, один испытываемый в книгоноши и двадцать три лица, в том числе восемь членов Общества, с процентной уступкою, кроме того, по требованию выслано было пять тысяч четыреста восемьдесят четыре экземпляра священных книг в двадцать восемь различных общественных учреждений, в школы, монастыри, братства, военные части, земские управы, в один завод и в одну тюрьму. Главными деятелями по распространению священных книг, как всегда, были книгоноши. Их сообщения о том, как относится человек к Священному Писанию и как оно благотворно действует, в особенности на простолюдина, представляют большой интерес. Можно только благодарить Бога, что скромное Общество, *не располагая, можно сказать, никаким почти капиталом, вот уже тридцать семь лет неослабно продолжает свою деятельность»*.

На пороге XX, чреватого столь большими событиями века в кассе «Общества для распространения книг Священного Писания в России» оставалось девятьсот двадцать три рубля! Спросим себя, сколько же этих русских рублей оставалось на карточных столах и рулетках европейских курортов, сколько тратилось на отделку особняков, дворцов, дач, сооружение парков, псовых дворов, оранжерей, конюшен для скаковых лошадей? Сколько шло на туалеты, драгоценности, балы, маскарады?... А в рабочем и крестьянском кругу – сколько миллионов трудовых страдальческих русских рублей оставалось в «казенке», шло на доходный для правительства алкоголь, эту так развращавшую народ «красную головку», обратившуюся в огромную красную голову революции?

Несомненно, что на пороге XX столетия русские люди (говорим лишь о них) не предложили воплощенному в мире Божию Слову достойного помещения. Христову Слову была предоставлена ими только одна Вифлеемская солома. Удивительно ли, что судьба России XX века оказалась столь похожей на судьбу Иудеи I века? То же мировое рассеяние и то же поправление национальной святыни.

В России были, конечно, и свои прозорливцы. Слово древнего израильского пророка Иоилия сбывалось и в России. Семилетний Константин Аксаков видел «Москву, Красную площадь и Минина в цепях». В опубликованной в 1911 году переписке между старцем Амвросием Оптинским и обер-прокурором Святейшего Синода графом Александром Петровичем

Толстым есть примечательный, особенно с нынешней исторической перспективы, материал. Эта переписка осталась незамеченной.

Первое письмо граф А.П.Толстой написал старцу в 1886 году. Это была глухая эпоха, восхождение зари материализма – эпоха Геккеля, Фогта, Бюхнера, эпоха закрепления «шестидесятников», Маркса... Безбожие открыто встает в русской жизни и культуре. В отдельных сердцах русских материалистический зверь поднимался и раньше, но в русской общественной жизни и культуре он вставал теперь впервые в своей откровенности, в своем бесстыдстве. Рождался Шигалев XX века...

Вот что пишет оптинскому старцу Амвросию А.П.Толстой:

«Один благочестивый священник Тверской епархии видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одной лампадой. В пещере много духовенства. За лампадою – образ Божией Матери. Пред образом стояли в облачениях архипастырь Московский Филарет (находящийся в живых) и покойный протоиерей города Ржева отец Матвей Константиновский⁴, родитель означенного священника, в жизни своей отличавшийся особым благочестием. Все стоят в безмолвии и страхе. У входа в пещеру – сам священник и одно мирское лицо, духовный сын отца протоиерея. Оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвных молений слышатся ясно слова:

“Мы переживаем страшное время: доживаем седьмое лето!”

С этими словами – пробуждение в большом волнении и страхе. *Сон повторяется до трех раз, все тот же, без малейшего изменения, явный и страшный...*⁵ Ни священник, видевший это, ни духовный сын отца Матвея – оба решительно ничего не понимают, ни что он значит, ни кем он послан».

Старец Амвросий ответил Толстому: «Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко хульного вольнодумства и нового язычества всюду распространяется, всюду проникает. Истину эту подтверждают слышанные слова: “Мы переживаем страшное время...” Живой святитель и покойный протоиерей в облачении, молящиеся вместе перед иконой Божией Матери, дают разуметь, что и прочее виденное духовенство было двоякое (Церкви Небесной и Церкви земной), видно, достойные пастыри, живые и отошедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви, и те и другие умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она всевышний покров Свой над бедствующей Церковью нашей и да защитит и да сохранит слабых, но имеющих благое расположение ко спасению. Оба, стоящие у входа в пещеру, может быть, означают людей, с живым участием и со скорбью и даже со страхом взирающих на печальные события настоящего времени в отношении веры и нравственности, но не прибегающих к Царице Небесной и не молящихся Ей о покрове и помощи, подобно молившимся в пещере. Слова “мы доживаем седьмое лето” могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верные чада единой Святой Апостольской Церкви должны будут укрываться в пещерах, и только всеильные мольбы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследования слуг антихриста».

7 июля 1871 года граф А.П.Толстой снова пишет старцу, описывая свое сонное видение:

«Как будто нахожусь в своем доме и стою в прихожей. Далее комната, в которой на стенке между окон находится икона в большом размере Бога Саваофа, имеющая ослепительный свет, так что из другой комнаты (прихожей) нельзя смотреть на нее. Затем, еще далее, – комната, в которой находится протоиерей Матвей Александрович Константиновский и покойный митрополит Филарет, и эта комната наполнена книгами: по стенам от потолка до пола книги, на длинных столах груды книги, и мне непременно нужно пройти в эту комнату, но меня удерживает страх, как пройти через такой поражающий свет. Но необходимость принуждает меня преодолеть страх, и я с ужасом, закрыв лицо рукою, перехожу первую комнату и, войдя в следующую, вижу протоиерея Матвея Александровича в переднем углу. Он читает книгу. А ближе к двери стоит митрополит, одетый в простую черную рясу, на голове – ску-

фейка, в руках – разогнутая книга, а головою показывает мне, чтобы и я нашел подобную книгу и развернул ее. В то же время митрополит, поворачивая листы своей книги, говорит:

“Рим, Троя, Египет, Россия, Библия”.

Вижу, что в моей книге крупными буквами написано: “Библия”.

Тут сделался шум, и я проснулся в большом страхе. Много думал: что бы все это значило? Мне сон кажется грозным, и лучше бы ничего не видеть. Нельзя ли опытных в духовной жизни спросить о значении этого сновидения? Самому мне внутренний голос объясняет сон, но объяснение такое ужасное, что не хотелось бы согласиться с ним».

Старец так ответил Толстому:

«Кому послано было это замечательное сонное видение и кто слышал тогда многозначительные слова, тому, по всей вероятности, и внушено было через Ангела Хранителя объяснение виденного и слышанного, как и сам он сознает, что ему внутренний голос объяснил значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о сем думаем.

Видение ослепительного света от иконы Господа Саваофа и в следующей затем комнате виденное множество книг, и стоящие там с книгами покойные митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович, и произнесенные одним из них слова: “Рим, Троя, Египет, Россия, Библия” – могут иметь такое значение: во-первых, все касающееся до сотворения мира, судьбы народов и спасения людей Господь Вседержитель открыл Своим избранным святым мужам, пророкам и апостолам, просветив их светом Своего Божественного познания, а ими все это передано людям и написано в Библии, то есть в книгах Ветхого и Нового Завета.

Во-вторых, множество виденных там книг может означать то, что все сказанное в Библии прикровенно и неясно объяснено другими избранными от Бога святыми мужами, пастырями и учителями единой Соборной, Апостольской Православной Церкви.

В-третьих, что митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович видены были с книгами в руках, может означать, что они в продолжение своей жизни поучались о судьбах человеческих не из простых книг человеческих, в которых встречаются мнения неправильные, вводящие в заблуждение, а из книг библейских и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разумению, а как объяснено в книгах мужей богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания, к чему побуждали и видевшего, чтобы и он на все искал объяснения не в простых книгах человеческих, а в книгах святых богодухновенных отцов Православной Церкви.

В-четвертых, что протоиерей Матвей Александрович стоял в переднем углу, который обычно признается молитвенным, может означать, что он не только поучался сказанным образом, но и молился о вразумлении свыше.

В-пятых, слова “Рим, Троя, Египет” могут иметь следующее значение: Рим во время Рождества Христова был столицею вселенной и с возникновением патриаршества имел первенство чести, но за властолюбие и уклонение от истины впоследствии подвергся отвержению и унижению.

Древняя Троя и Древний Египет замечательны тем, что за гордость и нечестие первая наказана разорением, а второй – различными казнями и потоплением фараона с воинством в Чермном море. В христианские же времена в странах, где находилась Троя, основаны были две христианские патриархии – Антиохийская и Константинопольская, которые долгое время процветали, украшая Православную Церковь благочестием и правыми догматами, но впоследствии, по неведомым судьбам Божиим, подверглись владычеству варваров-магометан. И доселе несут это тяжкое рабство, стесняющее свободу христианского благочестия и правоведения. А в Египте, вместо древнего нечестия, в первые времена христианства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысяч монашествующих, не говоря уже о численности и множестве благочестивых мирян, от которых они происходили. Но потом, по причине распущенности нравов, и в этой стране последовало такое оскудение в христианском

благочестии, что некоторое время в Александрии патриарх оставался только с одним пресвитером.

В-шестых, после трех знаменательных имен: “Рим, Троя и Египет” – помянуто имя России, которая в настоящее время хотя и считается государством православным и самостоятельным, но уже элементы иноземного иноверия и неблагочестия проникли и внедрились и у нас и угрожают тем же, чему подверглись вышеуказанные страны.

Затем следует слово “Библия”. Другого еще государства не помянуто. Это *может означать, что если и в России, ради презрения заповедей Божьих и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви и ради других причин, оскудевает благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, то есть в Апокалипсисе Иоанна Богослова*.

Этот документ свидетельствует, во всяком случае, о духовной чуткости некоторых русских людей...

Нахождение и отдельным человеком, и народом своего подлинного лица совершается, конечно, не через самовосхваление или благоприятные для себя сравнения с другими народами. Человек и народ являются в своей истине лишь через постижение своей неверности Божией истине.

Нравственное самообличение не есть, конечно, то ложное самоуничужение, которым так часто грешили русские люди, потерявшие свое покаяние перед Богом. Рассмотрение нами себя в Божьем свете – признак близости к нам этого света.

Русский человек, несомненно, получил от Бога талант искания живой, горячей *правды* более, чем отвлеченного, холодного *права*. Горячность, цельность, сметка и простота русской души, может быть, есть возвращение одного из пяти талантов, ей данных. Но если смотреть не со стороны этого одного, «умноженного» и «возвращенного» таланта, а со стороны «зарытых в землю», то нет особых причин величаться и хвалиться русским людям своей бывшей – или настоящей – великостью.

Атеистический максимализм вышел не только из иностранных недр, он выполз, вылетел, как саранча, из собственной русской греховности и материалистичности. Не просвещенное Христовым светом горячее русское сердце так часто уходило и в темный фанатизм, и в мертвящее обрядоверие, опьяняло себя распутством, отчаянием, тоской, разбоем и алкоголем. И мы, пастыри Русской Церкви, *может быть, более всех* виновны в том, что не защитили своего стада от волков воинствующего атеизма.

Предвестие о падении православной России прозвучало над страной в падении Царь-колокола... Образ этого великого колокола, ставшего безгласным и расколотым, остается в Кремле до наших дней перед глазами всего русского народа. Царь-колокол лежит на земле, как притча, как зов к покаянию. Но русские люди привыкли более гордиться своим Царь-колоколом, чем уразумевать значение его падения. Этот лежащий во прахе Царь-колокол Кремля остается до наших дней символом недостигнутой цели русского народа, недостроенности «Дома Пресвятой Богородицы». И рядом с этим образом падения стоит образ Ивана Великого, Пророка и Предтечи Господня, этот «глас вопиющего в пустыне». И в самом своем молчании он зовет русский народ – и все народы – к покаянию.

Пушкин у порога инобытия

Пушкин был, несомненно, религиозным человеком, если под религиозностью понимать осознанную связанность с миром высшего бытия. Пушкин был религиозен и своей интуицией гениальности. Но глубина религиозного сознания открылась Пушкину лишь в самом конце его жизни.

В Одессе в 1824 году он «брал уроки афеизма» у какого-то глухого англичанина, «единственного умного афея». Мысль Пушкина о чрезвычайной редкости умных атеистов несколько противоречит его утверждению, что он берет уроки атеизма. Отношение к умственному уровню преуспевших в этой науке не могло побуждать Пушкина к успеху в учении. Но письмо, где Пушкин шуточно упомянул имя Духа Святого, явилось, совершенно видимо, началом его страданий.

«Письмо, сыгравшее в жизни Пушкина такую важную роль, – говорит В.Л.Модзалевский, – было написано в Москву, к одному из друзей Пушкина, распечатано и прочтено на почте. Анненков утверждает, что письмо Пушкина дошло до сведения администрации вследствие «не совсем благоразумной гласности, которую сообщили ему приятели Пушкина, особенно покойный Александр Иванович Тургенев, как мы слышали, носившийся с ним по своим знакомым...» Вряд ли добродушный, но умный Тургенев в данном случае мог быть так легкомыслен; как бы то ни было, однако злополучное письмо послужило одною из главных причин, было, вернее, поводом к исключению Пушкина со службы и высылке его из Одессы в деревню. Пушкину это было хорошо известно. «Я сослан за строчку глупого письма», – говорил он Жуковскому в письме от 29 ноября 1824 года. Добиваясь освобождения после вступления на престол Николая I, Пушкин писал во второй половине января 1826 года: «Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные – других художеств за собою не знаю». 7 марта он писал Жуковскому: «Его Величество, исключив меня со службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное года три тому назад, в котором находилось суждение об афеизме, – суждение легкомысленное, достойное, конечно, всякого порицания»⁶. То же Пушкин говорит в своем прошении императору Николаю I от 11 марта 1826 года и повторяет в сочиненном им «разговоре с Александром I» вскоре по приезде в Михайловское.

Непосредственный, сердечный, «искристый», умный Пушкин умел придавать условностям слишком большое (им не принадлежащее) значение и защищать свои чувства различными масками, в стиле первой четверти XIX века. Был он вспыльчив и самолюбив. Как всякий самолюбивый человек, Пушкин был «наказуем» и обстоятельствами внешней жизни, и необузданностью тех его чувств, которые, будучи «естественными» для повредившейся человеческой природы, однако более всего унижают нравственно чуткого человека в его сознании.

С лицейской скамьи Пушкин живет жизнью скорее неблагоприятной для религиозного самопознания и умудрения. Но все, начиная с его растущего творчества, влечет его вглубь, к источнику жизни и веры. Он это понимает и – не понимает. Ссылки в провинцию и деревню, вынужденное уединение, близость к природе, постоянная нехватка средств и все уколы его гордости были для внутренней жизни Пушкина, в сущности, столь же целительны, как и лучшие минуты его вдохновения.

Из всех тематически религиозных стихотворений Пушкина стихотворение «Пророк» наиболее соответственно своей теме, но даже оно еще не является высокой духовной реальностью. Пророк Пушкина только готовится сказать свое пророческое слово, но еще его не говорит. Это символично для всего Пушкина, для всей его жизни.

В своем творчестве Пушкин очень *правдив*, аскетичен, предельно требователен к себе. Оттого его творчество есть удача. Но в области литературно-религиозной в силу того же закона

«внутренней правдивости» у Пушкина не могло быть удачи. Он сам это, несомненно, чувствовал и имел чуткость мало касаться религиозных тем.

В религиозных своих темах поэзия Пушкина более литературна, чем духоведчески реальна. В силу того же и поэтические кошунства Пушкина тоже *не реальные*. И они есть лишь поэтическая игра Пушкина, игра, а не исповедание. Замечание Штейна, что «ни один из героев Пушкина не наделен глубокой религиозностью»⁷, несомненно, справедливо. В мир религии Пушкин входил даром своей (столь отмеченной Достоевским) гениальной отзывчивости.

Пушкина влечет все таинственное, необъяснимое и загадочное. Пушкин видит магическую силу в вещах, верит в вещие слова, суеверно следит за предзнаменованиями и предсказаниями прорицателей, связывает ими свою жизнь. Подлинная вера чутко оберегает свободу человека от всего этого, отдавая ее только Богу. Верующий умеет оставлять до конца все вещи и силы земли, могущие затуманить для него волю Небесного Отца. Ведь все зависит лишь от нее!.. «Не может ни одна птица упасть на землю» (см.: Мф 10, 29) без этой воли.

Верующий человек *не гадает* на изменчивой поверхности этого мира потому, что он в лучшем смысле и плане *уже все угадал* и знает, *что с ним будет*. Без благословения или допущения Божиего ничего с ним не случится! И надо только волю Божию во Христе исполнять и созерцать всегда.

«Около 1818 года, – рассказывает Вульф, – в бытность поэта в Петербурге, одна славная тогда в столице ворожея сделала зловещее предсказание Пушкину, когда тот посетил ее с одним из своих приятелей. Глядя на их руки, колдунья предсказала обоим насильственную смерть. На другой день приятель Пушкина, служивший в одном из гвардейских полков ротным командиром, был заколот унтер-офицером. Пушкин же до такой степени верил в зловещее пророчество ворожеи, что когда, впоследствии готовясь к дуэли с известным “американцем” графом Толстым, стрелял вместе со мною в цель, то 10 раз повторял: “Этот меня не убьет, а убьет белокурый, так колдунья пророчила...” И точно, Дантес был белокур»⁸.

Однажды Пушкин приехал к княгине Зинаиде Александровне Волконской. У одной из ее статуй отбили руку. Хозяйка была в горе. Кто-то из друзей поэта вызвался прикрепить руку, а Пушкина попросили подержать лестницу и свечу. «Нет, нет, – закричал Пушкин, – я держать лестницу не стану. Ты белокурый. Можешь упасть и пришибить меня на месте». Это передает В.А.Нащокина и вспоминает другой аналогичный случай. В одном доме «в числе гостей Пушкин заметил одного светлоглазого, белокурого офицера, который так пристально и внимательно разглядывал поэта, что тот вспомнил пророчество, поспешил удалиться от него из зала в другую комнату, опасаясь, как бы тот не вздумал его убить. Офицер последовал за ним, и так и проходили они из комнаты в комнату в продолжение большей части вечера. “Мне и совестно было, и неловко было, – говорит поэт, – и, однако, я должен сознаться, что порядочно-таки струхнул”»⁹.

С.А.Соболевский сообщает: «По свидетельству покойного Н.В.Нащокина, в конце 1830 года, живя в Москве, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, он (Пушкин) выразил желание ехать в Польшу, чтобы там принять участие в войне: в неприятельском лагере находился кто-то по имени Вейскопф (белая голова), и Пушкин говорил другу своему: “Посмотри, сбудется слово немки, и он непременно убьет меня”»¹⁰.

Из дневника историка М.П.Погодина мы видим, что параллельно с немкой Кирхгоф судьбу величайшего русского поэта определял какой-то одесский грек. «Веневитинов, – пишет Погодин, – рассказывал о суевериях Пушкина. Ему предсказали судьбу какая-то немка Кирхгоф и грек в Одессе. До сих пор все сбывается: например, два изгнания. Теперь должно начаться счастье...»

«*Да узнает Израиль, что глуп прорицатель*», – говорит пророк Осия (9, 7). «*Да не обольщают... гадатели... Я не посылал их, говорит Господь*» (Иер 29, 8–9). «*Будь непорочен пред*

Господом... Ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей, а тебе не то дал Господь, Бог твой» (Втор 18, 13–14). Да, не то, совсем не то...

После войны 1812 года русское общество бросилось искать иные горизонты. Новый мир открылся русским на Западе. Новые горизонты раскрывались прежде всего в духовной области, и не в одном только направлении. Жозеф де Местр стал впервые в России блестяще раскрывать в петербургских салонах всю привлекательность римского католицизма. Библейское общество и связанное с ним движение показало русскому обществу другое духовное направление, куда смотрел и император. Третьим горизонтом, начавшим открываться в России со времени Новикова, было масонство – после вольтеризма второе «просвещение» на Руси; не путь веры, а путь «знания», земной «деистической рациональности», рациональной эзотеричности. Здесь открывался не Отец, конечно (Отца открывает лишь глубина и чистота сердца), а «Архитектор», отвлеченность... Тайна масонства в том, что в нем нет никакой тайны, оттого в нем есть таинственность. Отшатываясь от школьно-схоластических или умеющих лишь бряцать патриотичностью и националистичностью религиозных словес, некоторые русские люди конца XVIII и начала XIX века в своем искании Божественных тайн переоценивали эту таинственность. Слишком охраняемая государством Церковь их не удовлетворяла. Они ее не видели, не понимали. Священство было сословием, искусственно отделенным от ведущих слоев общества, локализованным лишь в одном углу жизни, может быть, наиболее почетном, но и отдаленном. Люди *не видели* Христовой Церкви. Пушкин не знал, *ему и на ум не всходило*, что рядом с ним живет Серафим Саровский, что есть Оптиная пустынь (Достоевский и Гоголь знали своих оптинских современников).

Военная и гражданская молодежь хлынула после 1812 года в ложу. Их пооткрывалось много. Пушкин тоже вошел в масонство, религиозность которого была совершенно свободной от каких бы то ни было стеснений нравственного порядка. Разговор о Боге ничего нравственно трудного за собой не влек и ни к чему крестному и ответственному не принуждал. Можно было погружаться в чувственность и суету беспрепятственно. Обряд масонского ритуала давал впечатление церковности, с внешней стороной которой русский человек был сильно связан.

4 мая 1821 года Пушкин вступает в Кишиневе в «Ложу Овидия». В письме к Жуковскому Пушкин сам пишет: «Я был масон в Кишиневской ложе, то есть в той, за которую уничтожены в России все ложи». Перед вступлением в ложу Пушкин усердно читает масонские книги в библиотеке И.Н.Инзова, исполняющего обязанности наместника Бессарабской области, политического опекуна Пушкина и вместе с тем друга его. В общение с масонами Пушкин вступает и в гнезде декабристов, киевском имении Давыдовых Каменка. В материалах Соболевского¹¹ есть такая запись: «Я как-то изъяснил свое удивление Пушкину, что он устранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу. “Это все вследствие предсказания о белой голове, – отвечал Пушкин. – Разве ты не знаешь, что филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Вейскопф, Вейсгаупт – одно и то же”».

Пушкин увлекается и магнетизмом¹². Необъяснимые «феномены» влекут его, прикрывающего иногда внимание к ним тонкой иронией. Под датой 17 декабря 1833 года Пушкин записывает в своем дневнике: «В одном из домов, принадлежавших ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать. Дело пошло по начальству. Князь В.Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки».

Из письма к жене от 29 мая 1834 года мы видим, что Пушкин увлекся «вентрилоком», чрево вещателем Александром Ваттермаром. Он снабжает этого Ваттермара рекомендацией к директору московских театров М.Н.Загоскину и записывает Ваттермару в альбом свой афоризм. Наряду с жадой таинственного у Пушкина существенно отметить его наблюдательность

и даже любопытство, направленное к нематериальной стороне человека. «Мы ленивы и нелюбопытны», – говорит он о русских.

Суеверие не только влекло Пушкина, но и, как демон, его преследовало. «Свадьба Пушкина, – пишет А.П.Керн, – происходила 18 февраля 1831 года. Во время обряда Пушкин, задев нечаянно аналой, уронил крест. Говорят, при обмене колец одно из них упало на пол... Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих: «Tous les mauvais augures (“Все дурные предзнаменования”))».

Вместо духовного вознесения – падение. Молитвой можно отвратить всякое зло. Можно приготовить себя и к испытаниям, которые должны прийти, и выйти из этих испытаний с победой. Таков смысл указаний и предупреждений свыше, случающихся в жизни человека.

Пушкин боялся зайцев во время путешествий. Особенно его чувство «пред зайцем» возросло после 1825 года, когда (как некогда гуси – Рим) заяц «спас» Пушкина (в его собственных глазах, конечно) от участия в декабрьском восстании. Рассказ Соболевского об этом известен. Менее известно «цыганское пророчество», сохраненное В.П. (Болеславом Маркевичем): «Аккурат два дня до его свадьбы (то есть Пушкина) оставалось, – записывает он рассказ цыганки Татьяны Дементьевны¹³, – зашла я к П.Нащокину с Ольгой. Не успели мы поздороваться, как под крыльцо сани подкатили и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: “Ах, радость моя, как я рад тебе! Здорово, моя бесценная!” Поцеловал меня в щеку и уселся на софу. “Спой мне, – говорит, – Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женюсь?” – “Как не слышать, – говорю, – дай вам Бог, Александр Сергеевич!” – “Ну, спой мне, спой”... Запела я Пушкину песню – она хоть и подблюдной считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру... Вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин... Кинулся к нему Павел Войнович: “Что с тобой, что с тобой, Пушкин?” “Ах, – говорит, – это ее песнь всю мне внутрь перевернула – она мне не радость, а большую потерю предвещает!”»

«Важнейшие дни его жизни, по собственному признанию, все совпадали с днем Вознесения», – отмечает П.В.Анненков. Незадолго до своей смерти Пушкин задумчиво рассказывал об этом одному из своих друзей и, упоминая о таинственной связи всей своей жизни с этим великим днем духовного торжества, он прибавил: «Ты понимаешь, что все это произошло не даром и не может быть делом одного случая»¹⁴. Как близка душа Пушкина к истине в эту минуту! Конечно, в жизни все бывает «недаром». В жизни есть мудрость живого Божиего Промысла. Он открывает человеку иногда не только неизбежное, но и возможное, еще зависящее от самого человека, от его нравственных путей. В Библии ярко раскрывается этот закон (см., например, Втор 30, 15, 20). А Пушкину кажется, что можно самовольно *подглядеть* будущее и этим охранить себя, своей силой и властью, от внешнего зла (антропоцентрическое, не теоцентрическое мышление).

Конечно, не было *случайностью*, что «важнейшие дни» первого поэта России совпадали с днем Вознесения. К *вознесению* духа и веры звал Пушкина Божий Дух.

Последний раз Пушкин обманулся с перстнем. Перстень с бирюзой подарен был ему Нащокиным в 1836 году. Это был *талисман от насильственной смерти*. Он специально изготовлялся для Пушкина, который находился в это время в Москве, торопился ехать в Петербург, но не желал уехать, не дождавшись талисмана. Магическое кольцо было принесено в час ночи, перед последним отъездом Пушкина в Петербург. Пушкин ехал на насильственную смерть... с талисманом против насильственной смерти. «*Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды*» (Иер 2, 13).

К концу своей недолгой жизни духовно зревший Пушкин чаще задумывался над высшими ценностями человека. Словно более чувствовал он близость того мира, куда ему надлежало вскоре и навсегда вступить.

В 1836 году им было написано два законченных религиозных стихотворения «Мирская власть», «Отцы-пустынники» и еще небольшое четверостишие, в котором он ярко выразил воздействие зла, греха на человеческую природу, борьбу греха против человека. Пушкин чувствует нравственную двойственность человека даже среди высоких на земле стремлений:

*Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.*

Олень в религиозной, христианской символике – образ души человеческой, стремящейся к Богу. Как лань стремится к источникам вод, так душа человеческая жаждет Бога. «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому; когда приду и явлюсь пред лицо Божие» (Пс 41, 3). Грех есть сила чуждая и смертельная для человека. Она выходит из нашей воли и свободы, еще не отданной или не до конца отданной Богу. «Грех алчный гонится за мною по пятам», – говорит Пушкин. Но этот «голодный лев», утыкающий свои «пыльные ноздри» в сыпучий песок страстей и суеты, не всегда догоняет «оленья» – душу!

В строках своего стихотворения «Мирская власть» Пушкин показывает несоответствие внешнего почитания страданий Христовых. Где-то Пушкин увидел у креста в храме почетную воинскую стражу «в ружье и кивере» и спрашивает:

*...К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие – казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать Царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть Свою
Бичам мучителей, гвоздям и копью?*

В том же предсмертном своем 1836 году Пушкину захотелось переложить на стихи молитву Ефрема Сирина:

*Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв.
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой...*

Последнее «укрепление неведомою силой» пришло к Пушкину перед его исходом.

Мученически и мужественно Пушкин подошел к дверям вечной жизни. Исповедался, как мог, при своих муках; простил врагов, простил самого Дантеса и принял Святые Таины. Сила Христовых Таин велика, их спасительное значение решающее, если приняты они с верою и надеждою. Самая возможность умиротворенно, простив врагам, принять Святые Таины в последнюю минуту земной жизни является уже знамением спасения.

Есть люди, трудившиеся сознательно *для Бога* всю жизнь, как сыны. Есть работники только «шестого часа», последнюю свою половину жизни приносящие Хозяину бытия. Принимаются и те, которые только свою последнюю минуту приносят Ему. Облачко Духа берет их. Божественные хляби вечности разверзаются пред ними.

Умягченная душным, грозным воздухом своей жизни, умудренная томлениями последних лет и страданиями последних часов, человеческая и вечная душа Пушкина могла отряхнуть всю пыль заблуждений, страстей и суетных вер, переходя в мир иной. Молитвы многих помогали ей, и кто знает, может быть, и те многие молитвы, которые стали изливаться о ней будущие поколения России. Пред Богом нет несовершенной среды земного времени – все пред Ним в миге вечности.

«Буря, которая за несколько часов волновала его душу неумолимой страстью, исчезла, – пишет Жуковский, – не оставив в ней следа».

Бывает, что лицо умершего человека отпечатывает его последнюю мысль. Жуковский взгляделся в лицо переставшего дышать Пушкина. *«Никогда в этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Какая-то удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко удовлетворяющее знание».*

Тут уже было причастие истинных Таин.

Достоевский

Слово, сказанное пред панихидой по Ф.М.Достоевскому в память 150-летия его рождения¹⁵

Человек создан для рая и не может успокоиться, пока не найдет рая. Как рыба, выброшенная на песок несовершенных ценностей, человек своей глубиной рвется к сродной ему стихии.

Достоевский знал это начало рая. И знал, что счастья достигает лишь тот, кто знает нечто большее, чем счастье. Среди своих творческих замыслов и жизненных страданий Достоевский понимал, что полнота жизни не только в преодолении зла, но и в победе над неверным добром. «Счастье в чистом взгляде и в безупречности сердца, а не во “внешнем”», – говорит он. И верит он в нужность, целительность и непобедимость *горячего добра*. Первым явлением такой веры бывает в человеке чувство *ответственности* — не только за свое зло, но и за общее зло. Как без этого возможно социальное устройство народов? Перестав быть носителями добра, сами того не замечая, мы распространяем зло. И идя по улице со злым лицом, думает Достоевский, можно поранить душу идущего мимо ребенка и зародить в нем зло.

Есть круговая порука добра и зла. Пожар в квартире моего соседа есть и мой пожар; мой пожар есть и пожар моего соседа. Мы связаны, люди, как члены одного тела. У нас множество неповторимых лиц, но *естество* одно. И оттого пророки и писатели-духовидцы – наше общее человеческое богатство, а доктринеры, не верящие ни в душу человека, ни в Бога Живого, – общая наша болезнь, общее горе.

В 1940 году, в Рио-де-Жанейро, большому французскому писателю Жоржу Бернаносу, западному ученику Достоевского, дочь бразильского писателя Амороза Лимо, девочка, протянула свой альбом. И Жорж Бернанос, мысль которого, подобно мысли Достоевского, проникла за оболочку вещей, написал в этот детский альбом такие слова:

«Пять минут тому назад я задавал себе вопрос, что же мне написать в Ваш альбом? И внезапно мне пришло в голову, что сама по себе эта мысль – иметь альбом – очень трогательна, очень милая, потому что она детская; ее находят смешной, как все детские мысли, потому что люди не понимают детей. Маленькие девочки протягивают свой альбом “взрослым”, как нищие протягивают руку. Большая часть этих “взрослых”, к которым вы протянули руку, – кардиналы, богословы, историки, эссеисты, писатели – дают вам только свою подпись, которая равна мелкой монетке. Не забывайте никогда того, что этот безобразный мир держится еще только благодаря сладостному миру поэтов и детей. С ним всегда люди борются, но он все вновь возникает. Будьте верны поэтам и детству. Не становитесь взрослой, взрослые в заговоре против детей; прочитайте Евангелие, и вы убедитесь в этом. Господь Бог сказал кардиналам, богословам, эссеистам, историкам, писателям и всем вообще: “Будьте, как дети”. А кардиналы, богословы, историки, эссеисты и писатели все повторяют детям: “Будьте, как мы!” Когда-нибудь после Вы перечитаете эти мои строки – подумайте тогда и помолитесь о старом писателе, который все больше думает о неисцелимом легкомыслии серьезных людей. Все прекрасное, что есть в истории мира, пришло незримо для всех, в таинственной согласованности большого терпения человеческого и милосердия Божиего. Надо преодолевать жизнь. *Но единственное, чем можно ее преодолеть, – это любить ее, а любить ее только один способ: до конца раздавать ее*».

Таковы слова одного из учеников Достоевского в мировой литературе. Именно то, о чем сказал Бернанос, знал Достоевский. И сейчас время вспомнить о щедрости его сердца. Нам, людям, нужен свет любви – не расового, не классового, а человеческого сочувствия. Свет добра выше счастья, и вне его нет счастья. Эта щедрость была у Федора Михайловича. И нам, писа-

телям, ученым и литературным критикам, нужен этот свет. Может быть, тогда мы не будем слишком спорить о том, что такое *реализм* в литературе и нужно ли какое прилагательное к нему.

«Одна уже всегдашняя мысль о том, что существует нечто безмерно справедливейшее, чем я, уже наполняет меня всего безмерным умилением и славой, кто бы я ни был, что бы я ни сделал, – говорит умирающий Степан Трофимович Верховенский. – Человеку гораздо необходимее собственного счастья знать и верить, каждое мгновение веровать в то, что есть где-то уже совершенное и спокойное счастье для всех и для всего... Весь закон бытия человеческого в том, чтобы человек мог преклониться пред безмерно Великим». В этом – Достоевский, его наука о человеке.

Среди своих преклонений пред различными ничтожествами человечество нуждается в перспективе Достоевского. И нуждается в Достоевском большая, человеколюбивая, страдальческая, как сам Достоевский, идущая *через все этапы его жизненного опыта* русская литература.

Достоевский не породил достоевства (как Толстой – толстовства). Вокруг Достоевского ходили, шумели, даже взвизгивались разные волны, но он остается свободным от партийности. Он выше этих волн в своем горении духа, и оттого как верующие, так и не верующие в Бога могут извлечь и извлекают из творений Достоевского нечто большое и человеческое, а значит, близкое к Богу.

Несмотря на то что многие шли к нему и просили научить их «как жить», Достоевский не впал во всемирное нравственное учительство, остался простым братом людей. И не воспользовался он (и, можно было бы сказать, *до сих пор не пользуется*) своим большим именем, чтобы создать вокруг себя какую-то партию, школу или направление. Он свободен от всех и открыт всем.

Может быть, в этом кроется и причина того, что даже сейчас, когда имя Достоевского равно в мировой литературе звезде первой величины, нелегко создать в мире союз памяти его. Тем ценнее усилия, которые делаются для этого.

Международный союз памяти Достоевского призван к благородной задаче. Всечеловечность и мировая отзывчивость, которую Достоевский увидел в Пушкине, еще более ярко горит в нем самом, но *у нас нет другого Достоевского, который об этом бы сказал*. И приходится это в мире шептать. Постараемся же шептать наиболее громко, чтобы нас услышали говорящие на всех языках. И – на русском языке говорящие. В этом главная задача нашего единения.

В сущности, весь мир уже находится в «Обществе Достоевского», является его *имплицитным* (это важная категория) членом. И нам надо как-то помогать всем и друг другу все более понимать Федора Михайловича. Обществу Достоевского не к лицу увлекаться (как увлекаются в мире все общества) *гигантизмом*. Не будем подпрягать свою тележку ни к каким большим колесницам мира, но пусть эта тележка катится по всем странам и народам, по хорошим и по плохим дорогам, неся творения Достоевского и его образ, его жизнь, его символы и дух, его правду писателя и человека.

Мы собрались тут, в храме, чтобы помолиться о его живой душе. Здесь он сам молился. Тихий городок Бад-Емс утешал Достоевского, – он тут отдыхал и писал. И не случайно, что здесь возникло в 150-летнюю годовщину его рождения международное объединение его имени.

Среди своих рассуждений в эти дни и докладов о Достоевском мы в эту минуту наиболее соединяемся с ним. Поверх всех своих человеческих перегородок мы соединяемся с его верой, с его существом. И память свою о нем мы возносим ко Христу, к той любви, которую Достоевский пронес через всю свою жизнь. Эта любовь имеет в мире и свои трудные будни, и свои чудесные праздники прикосновения к мирам иным.

Примечания

1. На исповеди часто неразумно свидетельствуют люди об этом же, не понимая, что не для самооправдания, но для самоосуждения они пришли.
2. Архиепископ Иоанн вел воскресные передачи на радиостанции «Голос Америки».
3. Текст предисловия к первому русскому изданию этого романа в Париже в 1967 году.
4. Духовник Гоголя, столь оклеветанный в русской литературе.
5. К снам вообще надо иметь очень трезвое отношение, сны являются обычно суетными и редко – пророчесственными. Но возможность последних удостоверяется и Священным Писанием, и свидетельствами духовно опытных людей. Повторение же сна три раза без изменений есть одно из свидетельств истинного откровения человеку из мира иного.
6. *Пушкин А.С.* Письма. 1926. Т. I. С. 312.
7. *Фон Штейн С.* Пушкин мистик. Рига, 1931; *Ходасевич В.* О кощунствах Пушкина. Современные записки. 1924; *Его же.* О Пушкине. Б.м.: «Петрополис», 1937.
8. *Вульф А.Н.* Рассказ о Пушкине // Русская старина. 1870. № 1. С. 582.
9. *Нащокина В.А.* Воспоминания о Пушкине и Гоголе // Прил. к «Новому времени». 1898. № 8115. С. 6–8.
10. Русский архив. 1870. С. 1382.
11. Русский архив. 1870. С. 1315–1386.
12. В приложении к «Казанским губернским ведомостям» за 1844 год в № 2 имеется сообщение о пребывании Пушкина в Казани (сообщение это перепечатано в «Русской старине» за 1899 год). А. А. Фукс рассказывает, что Пушкин «старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма» (Пушкин, по-видимому, смешивал магнетизм с силой внушения).
13. Цыганка Татьяна Дементьевна по записи В.П. // С.-Петербургские ведомости. 1875. № 131.
14. Сочинения Пушкина. Б.м.: Изд-во Анненкова. 1855. Т. I. С. 315.
15. Слово о Ф.М.Достоевском сказано архиепископом Иоанном 3 сентября 1971 года в православном храме Бад – Емса.